

Рина Беж

Игра на выживание

«Литнет»

2022

Беж Р.

Игра на выживание / Р. Беж — «Литнет», 2022

♥#Похороны мужа-изменщика, продажа имущества, погашение долгов, переезд в глубинку, съем жилья и устройство на работу врачом скорой помощи. Я думала, что смена обстановки поможет мне прийти в себя. Я забуду все ужасы семейной жизни. Ошиблась, глупая. Прошное совсем не планирует меня отпускать. Оно значительно ближе и намного страшнее, чем я себе представляю. Я по-прежнему не свободна. Я - разменная монета в большой игре. В игре на выживание.♥#ОДНОТОМНИК

© Беж Р., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

♥#Чтобы свободно двигаться вперед, надо вовремя закрывать двери в прошлое.
Я поступила именно так: похоронила мужа, продала все ценное, чтобы погасить долги, переехала в глубинку, сняла жилье и устроилась на работу врачом скорой помощи.
Думала, что обживусь, приду в себя и постепенно забуду все ужасы.
Ошиблась, глупая.
Прошное совсем не планировало меня отпускать и оказалось значительно ближе и намного страшнее, чем я могла себе представить. Я стала разменной монетой в большой игре.
В игре на выживание.

♥#ОДНОТОМНИК

Сегодняшняя смена на скорой выдается безумно изматывающей: покусанный домашним питомцем ребенок, которому пришлось накладывать швы непосредственно в домашних условиях, так как кровотечение оказалось слишком сильным, и последующий нервный стресс у его мамочки; ожог кипятком тридцати процентов кожного покрова у зазевавшейся семидесятипятилетней старушки; а под вечер, как ягодка на торте, вызов в район на ДТП, где столкнулись и слетели в кювет две легковушки.

Хорошо еще, обошлось без жертв. Но пока МЧС-ники вырезали автогеном из покоренного транспорта зажатого внутри мужчину, мои нервные клетки, как врача, дававшего клятву Гиппократу, сходили с ума.

Потому и плетусь домой в начале второго ночи нога за ногу, напоминая матроса, которого слегка штормит. Хорошо еще, что Андрей, наш дежурный водитель, подбросил до перекрестка между Жукова и Цветочной, откуда до квартиры рукой подать.

И всё же триста метров – тоже расстояние, которое нужно преодолеть.

Почти дохожу до подъезда, чтобы звучно и от души выдохнуть, как настораживаюсь, замечая свет от фар машины, медленно въезжающей во двор с противоположного конца нашей высотки.

Кажется, будто она крадется в моем направлении. И вокруг ни одной живой души. Тишина и темнота полнейшая.

Обычно это в мегаполисах народ не спит ни днем, ни ночью, потому что жизнь кипит в них круглосуточно. А в таких мелких городишках, как этот, да еще и удаленных от миллионников на приличное расстояние, где население еле-еле дотягивает до полсотни тысяч жителей, мало кто гуляет после полуночи.

Разве только молодежь, да и та в основном тусуется в парках и клубах. Как говорится, в центре.

Напрягаюсь.

Нашупываю в кармане связку заранее приготовленных ключей, которые вряд ли помогут в случае самообороны, но сжимаю их крепко. С ними как-то спокойнее. А потом давлюсь дыханием, потому что, поравнявшись со мной, машина тормозит, а водительское стекло начинает медленно опускаться.

– Девушка, подскажите, третий подъезд этот? Или следующий? – выглядывает из окна мужичок лет шестидесяти, хмурая кустистые брови, и нервным жестом сдвигает кепку на затылок. – Навигатор, зараза, тупит, а номеров квартир на подъездах не видно или не указаны, – щурится он, вытягивая шею и стараясь хоть что-то разглядеть в сумраке ночи.

Ну да, местные власти в Ступинске мало шевелятся, чтобы поддерживать освещение дворовых территорий в темное время суток. Дороговато для районного бюджета. Ночью фонари освещают только центральные улицы, остальную территорию – строго до одиннадцати. Дальше всё – вырубаются.

Наверное, по мнению чиновников, после "комендантского" часа нормальные граждане по улицам не шастают, а спят дома в кроватках. И неважно им, что многие работают сменно, да и для молодежи безопаснее, когда округа освещена.

– Этот, – выдыхаю шумно и вместе с тем облегченно.

Только сейчас удастся разглядеть боковую наклейку «Такси».

– А где же Ваши "шашечки"? – интересуюсь у водителя, когда он глушит мотор, тыкая кнопки в телефоне, прикрепленном к воздухозаборнику. – В такой темноте машину никто не разглядит.

– Так на крыше, – хлопает дядька рукой по обозначенной части кузова, явно предполагая, что я туго соображаю или ослепла.

– Там пусто.

Улыбаюсь, совсем расслабляясь.

Ну реально чудак-человек. Стала бы я спрашивать, если б они там были.

– Вот же копчёный богомол!

Выбравшись из салона, мужичок хватается за голову и уносится к багажнику, тихо причитая себе под нос. Однако, через секунду уже радостно вопит.

– Не потерялись окайнные, просто на бок съехали. Магнит, кажись, открутился.

Демонстрирует мне находку и побрякивая принимается приделывать «потеряшку» на место.

– Спасибо, дочка, дай бог тебе здоровья и хорошего мужика, – благодарит явно от души, заставляя вздрогнуть.

– Сплюньте, дяденька, – отмахиваюсь от последней части щедрых пожеланий, давя жгучее желание самой три раза плюнуть через левое плечо.

Не нужно мне такое счастье. Наелась вдоволь.

Машу таксисту напоследок и спокойно топаю к подъезду, открываю чип-кнопкой дверь и захожу внутрь.

Седьмой этаж всем хорош кроме одного – ночью не всегда работает лифт. Поэтому, пока преодолеваю обязательные семь ступеней, мысленно молюсь, чтобы и тут мне подфартило. Заметив горящий красненький индикатор, блаженно улыбаюсь. Везенье!

Старый поскрипывающий механизм скоренько доставляет до парадной, и я, включая автопилот, чешу к родной двери.

– Фух, добралась, – выдыхаю, прислоняясь лбом к дерматиновой обивке, и на секунду прикрываю глаза.

Нужна лишь секунда передышки, чтобы воспользоваться ключами и попасть внутрь.

Щелчок личины соседней двери и тихий звук открытия заставляют распахнуть веки и резко обернуться.

– Пока-пока, милый.

Женский воркующий голосок раздается на всю площадку. Следом идёт звонкий чмок.

Через секунду перед глазами предстает спина худенькой высокой брюнетки. Она пятится задом и меня не замечает.

Надо бы отмереть и идти к себе, но я зависаю, боясь моргнуть. Первое, что бросается в глаза, это темно-синие колготки в крупную сетку. Как сказал бы папка, рыболовную. Потом коротенькое трапецевидное белое кожаное платье, а-ля колокольчик, еле прикрывающее попу, и накинута сверху светло-голубая джинсовка.

Ах да, еще туфли-убийцы на шпильке. О-о-очень длинной шпильке, делающей ноги девушки бесконечными.

– Иди уже, чудо, – произносит знакомый хриловатый баритон.

Следом из недр квартиры выныривает огромная мужская пятерня, после чего происходит звонкий шлепок по женскому задку.

– Хи-хи-хи... – наигранный смех царапает барабанные перепонки, заставляя скривиться.

Сглатываю и, не глядя на личину, так как происходящее у соседской двери всяко интереснее, тыкаю в нее ключом. Стараюсь попасть, но тщетно. Задача не выполняется, зато скрежетом привлекаю к себе внимание сладкой парочки.

– Ой, здрасти, – выдает эфемерное чудо, резко обернувшись.

На ее губах всё ещё сияет широкая улыбка, а я убеждаюсь, что девушка действительно красotka.

– Привет, Женя, – высовывается следом сосед.

Цепкий взгляд ловко ловит мой и легко удерживает. Заодно отрезвляет. Проталкиваю комок, вставший поперек горла, и киваю.

– Здрасти, – сиплю приглушенно и тут же отворачиваюсь.

Взметнувшийся в душе адреналин придает прыти. С первой же попытки попадаю ключом в личину, проворачиваю два оборота по часовой стрелке и пулей влетаю в квартиру. Резкий хлопок двери отрезает меня ото всех.

– Черт! – выдыхаю чуть слышно, приваливаясь к ближайшей опоре, а потом погромче, – черт! Черт! Черт!

Стучу затылком об стену, усердно стараясь выбить из головы поселившийся в ней образ соседа.

Наивняшка, убеждаюсь уже через пару минут.

Стоит всего лишь опустить ресницы, как обнаженное по пояс фактурное тело Сомова во всей красе возникает перед глазами, а ладошки зудят от желания коснуться его идеального пресса.

– Уйди прочь из моей головы, – выдавливаю сквозь зубы и отталкиваюсь от опоры.

Скидываю сумку на тумбу перед зеркалом и включаю настенный бра. Последнее делаю больше по привычке. Чтобы раздеться, разуться и пойти завалиться спать, свет мне не требуется.

Трудно заплутать в малогабаритной однушке, когда, как в сказке, есть всего три направления: прямо – на кухню, чтобы быть сытой; налево – в совмещенный санузел, чтобы стать чистой; направо – в комнату, дабы отоспаться.

И все это на двадцати восьми квадратных метрах. При желании не заблудишься.

Еще совсем недавно превалирующее желание упасть и заснуть как минимум на двенадцать часов в родных стенах да после неожиданной встречи с соседом незаметно отступает на второй план. Открывается второе дыхание.

Родных стенах... вот же загнула.

Мысленно смеюсь над собственными громкими словами, пока иду в ванную, чтобы умыться.

А в итоге, недолго думая, скидываю одежду полностью и залезаю под теплый душ. Прикрываю глаза и подставляю голову под кривоватый поток воды. Стараюсь отрешиться и не замечать немного потрескавшейся от времени плитки на стенах, мелкой и неудобной чуть поржавевшей лейки, слегка шатающейся ванны с отколотыми по краям кусочками эмалированного покрытия.

И пусть купленные мною коврики и занавеска немного освежают общую малорадостную картину ванной комнаты, все равно отчетливо проступает чужеродность, обветшалость, некая неправильность и грустинка.

Еще год назад я и не думала, что когда-нибудь буду жить в съемной квартире, очень и очень скромной по всем меркам, почти аскетичной, а попросту голой, и называть ее своим домом.

Но всякое случается.

Всё меняется.

Моя жизнь тоже, но я не унываю. Как могу, подстраиваюсь под обстоятельства и по возможности держусь наплаву.

Год назад я о многом не задумывалась. Не представляла, что в двадцать девять лет стану вдовой, лишусь всего имущества, жилья, драгоценностей и вкладов, останусь без собственного дела, обожаемой клиники для детей и взрослых, в которой души не чаяла и возглавляла последний год, уеду, а скорее сбегу, из любимого Питера к черту на кулички, окажусь без какой-либо помощи и поддержки, без родных и близких, без друзей, без финансов и места, где меня ждут.

Одна. Совершенно одна во всем мире.

Жестоком, нетерпимом и опасном.

Но вышло именно так.

От неприятных воспоминаний тело прошивает ознобом, и я кручу вентиль, чтобы сделать воду горячее. Мне холодно. Постоянно холодно.

Но не из-за погодных условий, а эмоционально. В душе гуляет зима и пустота.

Хотя, когда гляжу на своего соседа слева, озноб и меланхолия отступают, тело пробивает в жар, дыхание сбивается, ладошки потеют, ноги превращаются в желе, а сердце частит и спотыкается.

Высокий, крепкого спортивного телосложения, фактурный. Взрослый, на вид около тридцати трех – тридцати пяти, не меньше. Темные волосы в короткой стрижке, жесткие черты лица, где щетина только усиливает это впечатление, и цепкий взгляд. Больше всего поражают именно его глаза! Темно-синие, пронизывающие, управляющие и говорящие без слов...

Я вообще теряюсь, когда он на меня смотрит. Прямо, открыто и в то же время с какой-то хитринкой. Будто знает не в пример больше, чем то, что я недавно приехала в этот город и устроилась на работу врачом скорой помощи.

Но этого не может быть. Кому я нужна или интересна, кроме самой себя?

Никому.

И это даже к лучшему.

Хватит с меня испытаний, проверок на выносливость и крепость нервов.

Большого я не выдержу, рассыплюсь и сломаюсь. А я так хочу хоть немножко пожить спокойно, для себя.

Силой воли заставляю себя закрутить кран и вылезти из ванной. Обожаю воду. Могу хоть час провести в душе, а может и больше. Вот так взять и упереться ладошками в стену, склонить голову, чтобы упругие струи пробивали и массажировали шею и плечи. Или по-другому, запрокинув лицо вверх и зарыв глаза.

И, главное, ни о чем не думать, не вспоминать.

Но для сегодняшнего дня, точнее ночи, целый час купаний станет перебором.

Укладываюсь в десять минут. Наскоро вытираюсь большим махровым полотенцем, закручиваю тюрбан на голове вторым, поменьше, накидываю на еще чуть влажное тело халат и босиком семеню в кухню.

Начало третьего, скоро начнет светать, а сна ни в одном глазу, хотя тело ломает и потряхивает от усталости, а суставы выкручивает. Перегуляла, как говорят про детишек.

Включаю кофемашину и пристраиваюсь на табурет рядом, наблюдаю за процессом приготовления любимого напитка. Это как глядеть на костер – расслабляет и тонизирует. Аппарат фырчит и вначале промывается, затем тарахтит, отделяя нужное количество зерен, жужжит их перемалывая, а через несколько секунд в подставленную на поддон чашку устремляется пара тонких струек коричневого напитка. По кухне разливается божественный аромат арабики, и я с улыбкой прикрываю глаза, его втягивая.

М-ммм...

«Не пей на ночь кофе, это вредно. Врач, а ведешь себя, как ребенок», – возникает перед глазами кислая физиономия покойного мужа. Он кривит губы в своем извечном недовольстве, как делал на протяжении всех лет совместной жизни, и сжимает кулаки, то ли желая вырвать, то ли выбить чашку из рук.

Хмыкаю в голос и встряхиваю головой, выкидывая из нее ненужную муть.

Проваливай к чертям, мерзавец, тебе там самое место. Я тебя больше не боюсь, потому что мертвецов бояться глупо.

Усмехаюсь мыслям и отпиваю сразу треть.

– Пила кофе и пить буду, – шепчу уверенно, а затем все же поднимаюсь и достаю сливки и сахар.

Может, я и веду себя глупо и по-детски, но...

Пошло оно далеко и безвозвратно... всё это дурацкое прошлое, в котором я варилась шесть лет. И Власов пусть горит в аду, потому что в раю этому извергу явно делать нечего.

Глава 2

Утро начинается после обеда. В начале второго, позевывая, выползаю на кухню, чтобы заварить себе свежего чая, и ухмыляюсь, вспоминая по подходящему поводу бабу Ньюру.

Вот именно так: не бабу, не бабушку, а бабу, как звали мать моего отца в деревне абсолютно все.

Любила она поговаривать, что спать дольше полудня нельзя, черти приснятся. И никогда не позволяла мне находиться в кровати после двенадцати. Даже на следующий день после дискотеки, куда отпускала с подружками довольно свободно, считая, что «у девки в голове ум должен быть собственным, а не соседским», расталкивала непременно в одиннадцать часов, чтобы дать еще минут десять-пятнадцать поваляться. И не важно, во сколько я возвращалась, пусть хоть под утро с первыми петухами.

Эх, классная бабка у меня была. Но характерец еще тот. Жесткий, строгий, но справедливый. И меня любила, пусть и не демонстрировала этого так открыто, как принято у других. Но заботилась всегда, не обделяла, не тыкала.

Да что там... приютила, признав своей.

Не сдала в детдом, как сиротку, оставшуюся без родителей. Хотя могла, и никто бы и слова не сказал против. Ей же под шестьдесят пять было, когда отец с матерью разбились на самолете. Мне в тот год только двенадцать минуло. Самый взрывной период у подростков, как говорят. А она не побоялась, опеку оформила. Все по закону, чтобы никто не придрался.

Но и мне сразу сказала, чтобы о глупостях не думала, дурью не маялась и голову на плечах имела.

В первое время дичилась ее сильно. А как иначе?

Мы же и на знали никогда. Отец с дедом еще по молодости разругались. С тех пор и не общались вовсе. А бабка Ньюра, как верная супружница, всегда на стороне деда была. Даже после смерти.

– Муж – голова, жена – шея, значит, неделимы, – всякий раз отвечала она, когда я ее спрашивала, почему она не встала на сторону сына и не помирилась с ним позже.

И меня учила, чтобы за мужа держалась. Верила ему, как самой себе, шла за ним следом, куда б не подался, уважала и почитала.

Странное дело, но за десять лет у нее отлично вышло меня науськать, а может даже зомбировать. В любом случае в правильность кособокого посыла я уверовала.

Тем, наверное, и Власова привлекла.

А что?

Наивная дуреха, с широко распахнутыми глазами и ртом, вззирающая на него, как на божество, и верящая каждому слову. Мы познакомились, когда я заканчивала пятый курс медицинского института.

Мне было двадцать два, а я вела себя, как шестнадцатилетняя. Нет, не хихикала и не несла чушь без умолку, а молчала, дышала через раз и пожирала его влюбленными глазами.

Теперь и сама не понимаю, за что возвела обычного взрослого мужика на пьедестал и засунула собственные желания и чаяния далеко в задницу. Лишила себя всего. Отказалась от давней мечты стать педиатром, отдалилась от друзей и подруг, стала реже навещать бабу в деревне, сменила удобные и практичные вещи на стильные, которые мне подбирал он, но главное, забыла, что можно радоваться совершенно обыденным вещам. Таким как прогулка по городу, поход с одноклассниками в горы, посиделки в кафе.

Власов считал, что мне это не нужно, лишнее, отвлекающее. И я верила. Не спорила. И принимала его решения, как свои.

Звучит диковато.

Но это сейчас. А тогда я парила от его улыбки и плакала ночами в подушку, ища в себе ошибки и минусы, если он забывал перезвонить.

Бабка Нюра тоже радовалась, что девка пристроилась в надежные руки взрослого, солидного человека.

Да, руки казались тогда надежными, как и сам Власов. На момент знакомства ему было тридцать четыре. Взрослый, состоявшийся мужик, бизнесмен-строитель, а не какой-то там купи-продай. Он привык командовать и повелевать другими. Вот и в наших отношениях был единоличным лидером, но я не претендовала.

«Михаил – умнее, он знает лучше. А я подстроюсь», – примерно в таком направлении крутились все мои мысли.

И я подстраивалась.

Всегда.

Именно он решил, что я должна стать хирургом, потому что это солидно звучит.

Именно он решил, что мы поженимся за неделю до нового года, чтобы добавить ему весомости и показать ответственность перед заключением сделки.

Именно он решил, что ребенка спустя год брака нам иметь рано и...

Нет. Об этом вспоминать не хочу. Слишком больно, пусть и прошло шесть лет.

Бабка Нюра умерла через пару месяцев после моего замужества. Однажды вечером легла спать, а утром не проснулась. Зато осталась в счастливом неведении, каким монстром и мерзавцем оказался тот, который должен быть в семье «головой».

Мои розовые очки разбились через год после свадьбы, как и я сама, упав с лестницы со второго этажа.

Именно тогда прозрела окончательно и поняла, что жить надо не для кого-то, а для себя. Или, по крайней мере видеть от своего партнера отдачу и тепло, а не потребительское отношение, тычки, поддевки и насмешки.

Я собрала вещи и захотела уйти. Наивная. Оказалось, что и на это решение у меня нет права голоса. Моя золотая клетка захлопнулась, а дверь в нее заварили.

А еще несколько месяцев спустя власть Михаила перешла в тиранию, а дальше я познала монстра.

Ой, всё, хватит, отбрасываю неправильные, бередящие душу мысли из головы и решаю заняться чем-нибудь более полезным. Да вот, к примеру, хотя бы вынести мусор.

Задумано – сделано. Достаю пакет из-под мойки, подбираю со стола фантик от конфеты, которую съела за завтраком, и, как есть, топаю к входной двери.

В моем случае вынести мусор – это дойти до мусоропровода, спустившись вниз на один полет или поднявшись вверх. Называется, выбирай путь под настроение. Но самое прекрасное, что не нужно утепляться и ползти на улицу.

В прихожей все-таки торможу, чтобы надеть шлепанцы. Люблю ходить дома босиком или в носках. И мельком осматриваю себя в зеркале.

Моська немного сонная, но это и понятно, столько дрыхнуть. Выющиеся темные волосы закручены в удобную гульку на макушке с помощью широкой резинки. На мне пижама – розовая майка на широких лямках и короткие штанишки до колена. Тоже розовые, но еще и с цыплятами.

Это коллеги-мужчины пошутили: подарили всем женщинам на восьмое марта подарки с сюрпризом. Мне досталось вот такое чудо.

– Да ладно, дело пяти секунд, а там пусто, – отмахиваюсь от умной мысли накинуть сверху халат или даже кофту, которая висит вот прямо перед носом.

Ради успокоения отшелкиваю личину и приоткрываю дверь. В подъезде тишина, как и предполагала. Визуальный осмотр подтверждает правоту. И я, усмехнувшись, шустро спускаюсь вниз, чтобы избавиться от мешка.

Поход оказывается удачным и проходит без эксцессов. Поднимаюсь вприпрыжку и почти касаюсь оставленного в личине ключа, когда раздается щелчок запора сзади. Знакомый аромат дорогих женских духов приятной волной задевает мое обоняние, подсказывая кого я увижу за спиной в следующую секунду.

– Привет, Эля, – здороваюсь, обернувшись.

Моя соседка по лестничной площадке, очень ухоженная девушка с длинными каштановыми волосами, неторопливо оборачивается на своих гигантских шпильках, вешая сумочку на локоть.

– О, Женёк, привет, – замечает она меня. – А ты чего так странно одета? – осматривает, чуть прищурившись.

Вопрос логичный, если посмотреть на нее. Кожаные штанишки, белоснежная блуза с жабо и поверх нее длинный бежевый жилет. Идеальная прическа, аккуратный неброский макияж.

Куколка.

– Я на минутку выбегала. Мусор выносила, – киваю в сторону лестницы, натягивая улыбку.

– Ой, точно, а я еще думаю, что о чем-то забыла, – Эля взмахивает тонкой ладошкой, качая головой.

– Бывает, – соглашаюсь, чтобы поддержать разговор, и отворачиваюсь.

Пора домой. Не такие уж мы хорошие знакомые, чтобы о чем-то болтать больше пяти минут. Но ошибаюсь.

– погоди, Жень, не спеши, – ломает мой порыв на корню. – Я хотела с тобой кое-что обсудить. Сейчас, только мусор захвачу. Не сбегай. Минуточку.

И, не дожидаясь моего согласия, соседка семенит к себе в квартиру, в то время как я остаюсь одна посреди парадной.

После ухода Эли я все-таки сбегаю к себе, чтобы накинуть кофту. Правда, попутно вспоминаю про кастрюлю с водой, поставленную на газ, потому заскакиваю еще и в кухню. Отключить конфорку – святое дело, вдруг потом забуду.

Отсутствую минуты три, не больше, а когда выхожу на площадку, там уже неведомым образом собирается толпа.

Ладно Эля, ее я ожидаю увидеть, когда распахиваю дверь и вываливаюсь в коридор, но наличие соседа и незнакомого широкоплечего детины под два метра ростом оказывается неожиданностью.

Вот же засада.

Сглатываю образовавшийся ком в горле и отступаю к родным пенатам. При виде Сомова вся расслабленность мгновенно испаряется, тело становится тяжелым и неповоротливым, напряжение зашкаливает. Смотрю на него, высокого, красивого, и сердце срывается на дикую дробь, стараясь пробить грудную клетку. Жар опалает щеки и шею, а ладошки потеют, как у вчерашней школьницы.

Черная майка обтягивает рельефный упругий пресс, подчеркивая каждую мышцу и широкий разворот плеч, а серые спортивные штаны держатся лишь на честном слове.

Мамочки...

Вскидываю глаза к его лицу и замираю, наталкиваясь на ответный внимательный изучающий взгляд. От этого прямого контакта ощущаю, как что-то щекоткой пробегает внутри. Столбенею и под воздействием неведомой силы тону в синем штормовом море.

Ветрова, не дури! Хватит! Уговариваю себя стать, как и пару минут назад, взрослой адекватной женщиной, а не пугливой ланью, застывшей перед светом прожекторов локомотива.

Но куда там?

Понесло.

Жар и холод соперничают за власть над телом, и я радуюсь уже тому, что могу покрепче сжать подрагивающие пальцы в кулаки и спрятать их в карманы кофты. Подальше от внимательных глаз, подмечающих все до мелочей.

Полная ненормальность.

Ставлю себе неутешительный диагноз, прикусывая губу.

А ведь я – хирург, пусть и не практикующий почти год. Но руки... руки-то у меня никак дрожать не должны.

– Ох, ну ничего себе, Олежа, ты – красавица. В таком цветнике поселился, зависть берет. Справа куколка, слева конфетка, – раздаётся задорно-веселый бас незнакомца и следом присвист.

Он то и заставляет моргнуть и очнуться.

– Знакомься, – произносит Сомов, чуть приподняв левый краешек губ и отвернув, наконец-то, от меня голову, – Эля и Жень, мои соседки.

– Добрый день, – выпаливаю вместе с кивком, вовремя вспомнив о правилах приличиях. И вновь помимо воли кошу на соседа.

Магнит он чертов, вот кто.

– Привет-привет, а я – Илья, – выдает шутливо незнакомец.

Он делает резкий широкий шаг в мою сторону и вскидывает ладонь. Не успевая проанализировать его жест, действую на инстинктах. Отшатываюсь назад и вжимаюсь спиной в дверное полотно, широко в испуге распахивая глаза.

Черт!

Ругаю себя чуть позже за глупый поступок, потому что былинный богатырь всего лишь протягивает руку, чтобы поздороваться.

Я же...

Трусливая идиотка, вот кто.

Понимаю, что давно пора оставить прошлое в прошлом и перестать шараться от всех подряд. Никто на меня набрасываться не собирается. Главный монстр уже не придет. Но инстинкты иногда сильнее. Сегодня именно такой случай.

– Барс, – резко произносит Сомов, и слегка качает головой, когда представившийся Ильей мужчина переключает на него внимание.

Короткий обмен взглядами.

– Прости, цыпленочек, не хотел пугать, – выдает мне великан и через секунду уже стоит рядом с Элей, очаровывая ее.

В отличие от меня соседка выглядит очень довольной новым знакомством. Она широко улыбается, поправляет волосы, перекидывая их за плечо, и почти незаметно перетекает в более выгодную позу: слегка отставляет ножку и выгибает спинку, из-за чего грудь приподнимается и кажется пышнее.

Вау, шах и мат, Илюша! Комментирую вид поплывшего русского богатыря, взирающего на красотку блестящими глазами.

– Ты в порядке? – Сомов совершенно незаметно оказывается рядом.

И всё. Других будто нет. Улавливаю его энергетику, чувствую запах, от которого в прямом смысле, ведет голову...

Никогда не думала, что букет может быть не только вкусным, но и красивым! Будто я смогла прочувствовать каждую его терпкую ноту: аромат ментоловой свежести, приятный дорогой одеколон и даже его личный мужской запах.

Ветрова, ша! Хватит! Да что с тобой происходит?! Пытаюсь ввести себя в рамки и перестать так сильно реагировать на близость мужчины.

– Кхм, да, конечно, – мямлю, не поднимая глаз.

Боюсь, если пересечемся взглядами, точно утону. Потому усердно демонстрирую, что наблюдать за соседкой, мило воркующей с Ильей и громко смеющейся над его шутками, мне очень интересно.

– Точно? На меня посмотри.

Мое поведение Олега явно не устраивает. И пусть его голос звучит мягко, но вместе с тем я слышу самый настоящий приказ. Жесткий, требовательный и...

Я не могу не подчиниться.

Вскидываю голову и замираю. Сомов так близко. Протяни ладонь – коснешься. Он кажется еще крупнее, чем с расстояния в пару метров, и весь такой крепкий, тренированный, сильный.

Жаркий. Щеки воспаляются, будто я стою рядом с открытым пламенем.

– Вс-сё в порядке, – выдыхаю, чуть придушенно. – Я, наверное, пойду...

– Ой, Жень, не уходи, – оказывается Эля умудряется не только виртуозно флиртовать, уже чуть ли не под руку стоя с только что познакомившимся большим парнем, но и отслеживать нас с Сомовым. – Я тебе еще приглашение не отдала. На, держи.

Соседка зарывается в сумку, а потом протягивает мне черный плотный конверт размером в половину меньше обычного почтового. Приходится взять, потому что руку она так и не опускает.

– Что это? – верчу предмет, не открывая.

Ни на одной из сторон нет никаких надписей.

Странно.

– Открой и увидишь, – подначивает Эля с какой-то залихватской удалью, широко улыбаясь.

Будто то, что скрыто внутри, меня непременно поразит, и она это точно знает. Вот только я ее не понимаю.

Совсем.

Мы познакомились в ноябре прошлого года, когда я переехала в этот дом. За все время виделись, дай бог, раз десять, такое же количество раз обмолвились фразами «привет», «пока».

Всё!

Не подруги.

Не приятельницы.

Соседки по лестничной клетке.

И тут непонятный конверт.

Ладно. И так все внимание собрала на себе, хотя терпеть его не могу. Приподнимаю не заклеенный уголок ногтем и, занырнув пальцами внутрь, выуживаю белый картонный прямоугольник размером чуть больше обычной визитки.

«VIP-приглашение. Загородный клуб «Мираж», 06 сентября, 21.00. +1»

Пробегаю глазами надпись пару раз быстро.

Третий раз медленно. Вчитываясь. И все равно не понимаю: какое отношение все это имеет ко мне?

– Эля, это...

Хмурю брови, потому что намерена быть попугаем и уточнить вновь: что за ерунда у меня в руках? И что, собственно, вообще происходит?

Однако краем глаза цепляю лицо стоящего рядом Сомова. Мрачное лицо, странно смотрящее на прямоугольник в моей руке. А потом и на меня саму как-то по-новому. Холодно. Неприятно. Потому и последнее «что» проглатываю.

Но соседка уже спешит перебить.

– Да-да-да, именно то, что ты хотела получить на день рождения, – воодушевленно чирикает она, размахивая ладошкой. – Ты хотела, я выполняю твое желание! Кстати, обратила внимание? Там «+1» указано. Женёк, не забудь пригласить меня с собой.

Глава 3

В квартиру вваливаюсь, хлопая глазами, как сова. Станные объяснения Эли скорее настораживают, чем радуют.

С чего она взяла, что у меня есть желание идти в какой-то незнакомый клуб? Судя по качественной бумаге пригласительного, дорогой и пафосный, а по ее блестящим глазам – явно навороченный и, вполне может быть, закрытый. Элитный.

Соседка же у нас – не обычная среднестатистическая девушка, а состоятельная гламурная особа. Если не ошибаюсь, она нигде не работает, а живет на широкую ногу за счет родителей или своего мужчины. По крайней мере я дважды случайно видела в окно, как поздно вечером за ней приезжала машина. Не из дешевых, представительская, S-класса. И водитель непременно выходил, чтобы открыть дверь и помочь забраться в салон.

И про день рождения упоминание...

Вот тут совсем подозрительно. Откуда у нее информация про дату? В соцсетях я не зарегистрирована, при ней данную тему никогда не обсуждала, паспорт свой не показывала.

И по поводу подарков...

Я уже и не помню, когда в последний раз хоть о чем-то кого-то просила. Да и просила ли вообще когда-нибудь? Если ты – одиночка, а я именно она и есть, тут и говорить не о чем и не с кем. Не с зеркалом же беседы вести.

Бросаю конверт на тумбу в прихожей, иду в комнату и забираюсь с ногами на диван. Сжимаюсь клубочком и обнимаю себя за плечи. Меня снова морозит в ознобе.

А все из-за тяжелого взгляда Сомова.

Как он смотрел...

Разочарованно? Неодобрительно? Отстраненно? Брезгливо?

Кажется, всё вместе и сразу.

Или же только кажется? Надумала то, чего нет? И он просто удивился нашей с Элей дружбе и ее «подарку»?

Прикрываю веки и легко воспроизвожу его синие глаза, напивавшиеся кристалликами льда при виде записки в моих руках. Да, точно, все же в нем что-то перещелкнуло, когда он вместе со мной читал текст приглашения.

А может, озаряет новая идея, он знает о том месте что-то особенное?

Соскакиваю с дивана и семеню в кресло, стоящее рядом с журнальным столиком. Придвигаю ноутбук поближе, открываю крышку и нажимаю кнопку включения. Несколько секунд, пока техника подгружается, тупо медитирую экран, а потом ввожу в поисковую строку название клуба и следом город. Меня интересует конкретное заведение.

Жму Enter.

И... картинки демонстрируют вполне обычное место. Небольшой ресторанчик в белом красном оформлении, на стенах деревянные панели, на полу шахматная плитка, круглые столики под клетчатыми скатертями расставлены на некотором удалении друг от друга, неправильной формы потолок поддерживается несколькими колоннами, в нише утоплена полукруглая барная стойка.

И, в принципе, всё.

Десяток фотографий, щедро предоставленных Яндексом, показывают мне внутренний интерьер заведения. Ах-да, еще на нескольких мелькает влюбленная парочка. Девушка и парень явно позируют, распивая кофе за одним из столов, потому что в их жизнерадостных улыбках мне чудится явный перебор.

– Странно.

Нажимаю на переход «Показать еще», но вылезает какая-то ерунда с предложениями, как провести досуг весело, комфортно и с огоньком.

И больше ничего.

Опять прощелкиваю картинки по кругу. Увеличиваю их и рассматриваю детали. Но нового не замечаю. Либо пустое помещение, либо уже знакомая парочка.

Парочка... и больше никого.

Как такое возможно?

Фотки датированы летом прошлого года. Получается, заведение – не вчерашнее открытие, а действующая точка общепита. И что же? Никто ни разу не отмечал в нем день рождения, корпоратив, юбилей или свадьбу? А если отмечал, не захотел поделиться в соцсетях радостным событием? Не выложил себя, красивого-любимого, позирующим на крыльце у вывески, или внутри – зале или фойе? Да в том же туалете, где так любят фоткаться инста-дивы, надувающие губки и закатывающие глазки.

И еще момент. Нигде нет точки местоположения. Фактического адреса не указано. Под выпадающими по запросу картинками нет координат, куда идти, если я вдруг надумаю там отобедать-отужинать.

Блин-блинский, да ничего нет!

Не, я, конечно, понимаю, что Ступинск – город маленький. Все местные друг друга знают, всё нужное на слуху, да и сарафанное радио работает шикарно. Но, а как же гордость за свое заведение у хозяев? Где их желание покрасоваться, разрекламировать любимое детище, завлечь новых клиентов и гостей?

Странно?

Очень!

А на пригласительной карточке, к слову, был указан адрес?

Спрыгиваю с кресла и тут же шиплю, потому что в икре простреливает и противно начинает колоть «иголочками». Досиделась, свернувшись в загогулину, получила грустный результат – ноги занемели. И пока кровообращение не восстановится, придется терпеть. Брр...

Прихрамывая, ковыляю в прихожую и забираю брошенный там конверт. Возвращаюсь в кресло и верчу его в руках и так и эдак, но ничего нового не нахожу кроме того, что не учла одну деталь...

«VIP-приглашение. Загородный клуб «Мираж», 06 сентября, 21.00. +1»

Загородный клуб...

Вот еще неувязочка!

Однажды, с бывшим мужем я была в загородном клубе и...

Либо в Ступинске открыты два объекта с одинаковым названием, либо тот ресторан в сети... муляж.

– Черт, Эля, в какую ерунду ты хочешь меня втянуть? – ворчу, закрывая крышку ноутбука, и топаю на кухню.

Мне срочно требуется большая доза кофеина, потому что мозг уже дымится от перегруза.

Включаю кофемашину и по любимой с детства привычке выглядываю в окно. Первый кого замечаю – Сомов.

Ну, в принципе, и последний. Больше по сторонам не смотрю, только на него. Как не борюсь с собой, тяга сильнее, он – неодимовый магнит для моих глаз. Особенно, если никто этого не видит.

Сосед уверенной походкой направляется к своему автомобилю, неторопливо достает брелок из кармана брюк и щелкает сигнализацией, о чем сообщают дважды моргнувшие поворотники Х7.

Забываю, как нужно правильно дышать, и ощупываю его глазами с ног до головы. Особенно красивую V-образную спину и аппетитную задницу. Уж себе-то можно признаться, что

он выглядит, как бог. Олег открывает водительскую дверь, на секунду застывает и вдруг резко оборачивается.

Поднимает голову и смотрит четко в мое окно.

На меня.

Замираю.

Я бы, может, и хотела отшатнуться, спрятаться за занавеской, но не могу. И не потому, что это покажется детской выходкой, все намного сложнее: меня не отпускает его взгляд. Давящий, повелевающий и... все еще недовольный.

– Черт... – выдыхаю лишь тогда, когда мужчина позволяет, точнее, отворачивается и забирается в салон.

Он выезжает со двора, а я проваливаюсь в воспоминания о дне нашей первой встречи.

О, наша встреча была такой же необычной и волнующей, как сам мужчина. И произошла она на четвертую ночь после моего переезда в эту квартиру.

У меня в то время был жутко сбит график сна, и где-то в начале двенадцатого ночи я решила пойти и купить себе кофе, которого не оказалось в наличии.

Вполне нормальное желание для жителя города-миллионника, где большое количество магазинов работает круглосуточно и любые потребности можно удовлетворить в любое время дня и ночи, а не строго с восьми утра до восьми вечера.

В Ступинске случилась загвоздка. Все в округе оказалось закрыто, но я решила не сдаваться, а пройти до ближайшей центральной улицы. Рассчитывала, что там, где есть освещение, скорее всего окажутся и постоянно функционирующие магазины. К тому же лето на дворе и теплая ночная погода вполне позволяли прогуляться.

Ошиблась дважды.

Торговых точек не нашла, плюс попала под пьяные очи подростков, распивающих пиво на лавочке под фонарями.

Повезло еще, что детки оказались не буйными и дерзкими, а просто сильно общительными. Отвязаться вышло не сразу. Подрастающему поколению жизненно требовались уши, чтобы излить всё, что накопилось и грозило взорваться под действием градусов. Потратила на них несколько десятков минут, но попутно нашла решение собственной дилеммы, потому что без кофе возвращаться теперь принципиально не хотелось.

Просветление наступило внезапно. Точнее, это фары проезжающей мимо машины меня ослепили на мгновение, зато и подсказали, как действовать дальше. Узнав у юных болтунов телефон местных извозчиков, вызвала такси.

Транспорт с шашечками прибыл скоро, после и вовсе все пошло по накатанной. Усатый водила без лишних разговоров отвез меня в один из двух круглосуточных магазинов, дождал, пока закуплюсь, и вернул к дому. Заодно кратко показал город и поведал об основных достопримечательностях, а также просветил, что и где можно достать, если вдруг еще раз приспичит.

– Красивая, если тебе опять чего-то ночью сильно захочется, можешь мне на личный звонить, всегда подскочу и подскажу, – подмигнул таксист лет сорока пяти, демонстрируя желтоватые зубы в кривоватой улыбке, и протянул такую же желтоватую карточку.

– Спасибо, – кивнула с важным видом и, сунув прямоугольник в карман кофты, поторопилась покинуть салон. Для себя решила, что лучше буду все закупать впрок, чем вот так еще раз рисковать.

В подъезд залетела чуть ли не бегом, проигнорировала лифт, а на переходе между шестым и седьмым этажами наткнулась на сидящего на корточках мужчину.

На меня он не смотрел.

Вообще ни на что не реагировал. Свернулся в клубок и сидел, опустив голову в колени. Спрятав лицо.

Черные спортивные штаны, белые кроссы и темно-синяя футболка подсказывали, что это вряд ли может быть бомж, решивший погреться и вздремнуть.

Не знаю, что в тот момент заставило остановиться и спросить:

– У Вас всё в порядке?

То ли так подействовал легкий ментоловый запах туалетной воды, а не грязного тела или перегара, то ли беззащитность позы человека, но именно это я и сделала – задала вопрос.

А затем коснулась горячего плеча.

Чего не ожидала, так это резкого захвата кисти и рывка вперед. Тело полетело по заданной сильной рукой траектории. Следующее, что ощутила, это холодный пол, на котором я лежу на спине, придавленная стокилограммовой тушей мужика, и не возможность пошевелиться.

Оба моих запястья прочно зажаты над головой одной рукой незнакомца, а другой он сдавил мою шею, пока только фиксируя. Но явно демонстрируя: придушить ему сил хватит.

– Что Вы делаете? – просипела в диком испуге, впервые взглянув в суровое лицо.

И, наверное, обалдела еще раз.

Теперь уже от шока.

Ну не бывает таких внешне идеальных злодеев. Их только в фильмах показывают, чтобы хорошие девочки легче «портились» в будущем. Затем же окунулась в темно-синие глаза, холодные, жесткие, цепкие, и передумала.

У плохих мальчиков именно такой взгляд. Безразличный и прожигающий насквозь одновременно.

– Лежу, – хрипло выдохнул мужчина, опалив мои губы горячим дыханием, и немного сдвинулся, прижавшись при этом плотнее. – Ты же умеешь шить, соседка? – ошарашил вопросом, нахмутив брови.

– Ш-шить? – переспросила, сглотнув от страха.

Почему-то мозг схватился именно за это слово, а не то, как он меня назвал. А еще я сильно боялась его разозлить. Слишком жестким взглядом он меня сканировал. Почти не моргал.

Пусть мне пришлось в последние годы хлебнуть всякого разного, но я выдюжила и только-только собиралась жить. Умирать не хотелось.

– Да... иглой, – пояснил мужчина, делая паузы между словами, будто слова ему тяжело давались.

– Ум-мею, – постаралась кивнуть из состояния лежа. И уточнила. – У Вас футболка порвалась или брюки?

Ну да, тупой вопрос. Но лучше так, чем молчать и трястись под пронизывающим штормовыми глазами.

– Тогда пойдем, – скомандовал незнакомец, проигнорировав последнюю фразу, а затем с тихим стоном скатился вбок и молниеносно поднялся на ноги.

Вгляделась в то, как он зажал левое плечо правой ладонью, оценила бледность лица, расширенные зрачки и чуть выступивший на лбу пот...

– Вы ранены, – заключила почти уверенно.

– Ага, вот и будешь меня штопать, – подтвердил мужчина и стал слегка заваливаться.

Действовала скорее на инстинктах. Забыв про сумку и пакет с продуктами, подхватила незнакомца под руку и помогла ему добраться до квартиры. А чуть позже сделала все, что от меня зависело, как от врача. Наложила восемь швов, закрыв довольно глубокую рану, обработала антисептиком и перебинтовала.

Пару раз за время лечения Олег, как сквозь зубы представился неожиданный пациент, выдавал весьма цветастые фразы на могучем русском языке. От них алели не только щеки, но и

уши, но мужчина ни разу не отключался, продолжая тщательно следить за моей работой. А по завершении отказался и от обезболивающего укола, а заодно от предложения вызвать полицию или скорую.

Что меня устроило – он не стал спрашивать, откуда у меня нашлось всё, чтобы оказать ему первую помощь, а я не стала уточнять, что конкретно с ним случилось, и почему он не хочет общаться с медиками и ментами.

Каждому своё. Мне же лучше, как не крути.

Думала, так и разойдемся, но новый знакомый решил иначе. Он совершенно спокойно, по-хозяйски развалился на стуле в моей почти необжитой кухне и велел напоить себя сладким горячим чаем. Отказать не посмела, не настолько осмелела. Потому под немигающим взглядом темно-синих глаз заварила ему, что просил, а себе долгожданный кофе.

Кажется, в тот момент, когда я сделала первый глоток любимого напитка, а Олег не высказал ни одного слова по поводу времени его распития, я поняла: он определенно мне нравится.

Да, вот таким интересным образом мы познакомились с соседом по лестничной площадке... после чего и стали здороваться.

Глава 4

Второй выходной день провожу дома в тишине и покое. И даже пижаму не снимаю, потому что лень. И не причесываюсь, потому что и так хорошо, с «гулькой» на голове.

Да и зачем?

Продуктов в холодильнике достаточно, кофе тоже есть. Две банки. При этой мысли ухмыляюсь от уха до уха. Никуда бежать не надо. Вот и валяюсь на диване, бездумно щелкая каналами на телевизоре, да поедаю мороженое.

День ленивца, как я называю каждый второй выходной после смены.

Даже не верится, как быстро время летит. Я почти год отработала на скорой. Кажется, много. А если вдуматься, за десять месяцев так и не смогла привыкнуть к сменному графику. Сутки через двое, а по факту – полтора через полтора из-за вечных задержек и проволочек.

Это хорошо, что я одна живу, а если бы семья или питомец? Всё, труба. Ругань и скандалы.

Но, мне не грозит ни первое, ни второе.

Семьей я наелась досыта, больше не хочу в клетку. А на шерсть животных у меня аллергия.

Следующий день, рабочий, наступает в шесть утра.

Просыпаюсь по будильнику. Принимаю душ, готовлю плотный завтрак и попутно наполняю контейнер, чтобы пообедать, никуда не выходя прямо на скорой. Быстренько навожу порядок, так как люблю возвращаться в чистую квартиру, и спешу одеться.

Над гардеробом долго не думаю. Свободные серые брюки и блузка с коротким рукавом цвета пыльной розы в горох. Теплая кофта на пуговицах на подстраховку, вдруг замерзну.

Макияж занимает меньше пяти минут – всего лишь подкрашиваю ресницы тушью. Ее же по выработанной с юности привычке захватываю с собой. Бывает у меня грешок, забываю, что есть краска на глазах, и тру их, если устала. А потом пандой хожу.

Укладываю контейнер с едой на дно сумки, надеваю балетки и, проверив, что свет и газ выключен, выхожу. А без пятнадцати восемь, переодевшись в рабочий комбинезон, принимаю смену.

– Надеюсь, того дурдома, что был в прошлый раз, не повторится, – потягиваясь, вздыхает Сашка Баев, медбрат в моей тройке.

– Будем верить в лучшее, – улыбаюсь ему в ответ и отворачиваюсь, чтобы уточнить в графике, к какому водителю и машине нас на этот раз прикрепили.

Вот вроде обновили автопарк, а все равно что-нибудь да ломается, выходит из строя в самый неподходящий момент.

О, снова с Андреем. Это хорошо. Отмечаю в голове, расслабляясь. Не люблю, когда текучка и смена лиц перед глазами.

– Пойду проверю укладку, – киваю в сторону приемного покоя, – можешь пока доспать предлагаю Баеву.

– Спасибо, шеф, это я с удовольствием, – даже не думает противиться парень.

Понятно, значит, опять где-то полночи зажигал, а сейчас будет клевать носом. Но я не жалуюсь, меня мой помощник устраивает. Когда требуется, он всегда собран и четко выполняет инструкции. А за то, что мой желтый чемоданчик таскает без просьб, вообще обожаю. Особенно под конец смены, когда руки буквально отваливаются.

– Третья бригада, на выезд, – раздается звонкий голос диспетчера около пяти вечера. – Экстренная. Мужчина, 35 лет. Ножевое ранение в область живота. Большая кровопотеря.

– Сань, подъем, – бужу медбрата, касаясь его плеча. – Наш вызов.

– Ага, я уже, – подпрыгивает парень, мгновенно просыпаясь и вскакивая на ноги.

Не успеваем покинуть комнату отдыха и взять все необходимое у эвакуатора, как Басова, главврач, поднимает руку и нас тормозит.

– Женя, секунду. Параллельный вызов – детский сад на Путилова. Экстренная. Взрыв баллона в кухонном блоке. Ранены двое поваров. Двое детишек, предположительно, без сознания. Поезжайте туда.

– А с ножевым что? – киваю на Сурикова, нашего диспетчера, уже оформившую первую поездку.

– Сейчас заменим. Петрову туда пошлем с Хлебниковой. Справятся. Недавно обе на повышение сдали. Давайте, ребята, вперед. Дети важнее.

Да, с врачами на скорой напряженка. Зато фельдшеров полный комплект, вот и затыкают ими дыры по полной программе. А что делать, мне не разорваться.

– Принято, – берем новый адрес и бежим к машине.

– Черт, всё понимаю, но малыши... надеюсь, обойдется, – Саня становится предельно сосредоточенным.

Да и Андрей, наш водитель, не балагурит, хотя любит. Врубает лампу и сирену и на пределе возможностей мчится по вбитому в навигатор адресу. Не разговариваем, каждый варится в своем.

– О, ну хоть встречаются, – первое, что он произносит, паркуясь через семь минут возле центрального входа. – Молодцы, додумались.

Я тоже этому радуюсь, пусть и молчу. Сейчас, когда ситуация неясна, важна каждая минута, да и говорить не хочется.

– Кажись, мы вперед мчс-ников примчались, – комментирует Баев, осматриваясь кругом, пока несемся за заведующей, показывающей дорогу.

А вдалеке уже раздается вой пожарных машин.

Спустя пару часов делаем вывод, что все оказалось не так уж и страшно. По крайней мере все живы.

У трех детей ссадины и ушибы. У одного мальчика вывих плечевого сустава, у девочки подозрение на трещину в ребрах. Поэтому фиксируем и бинтуем, позже отвозим их в детскую на рентген. У третьего ребенка рассечена бровь, но зашивать не требуется. Заклеиваю и отдаю ревущим родителям, клятвенно обещающим завтра прийти к участковому врачу самостоятельно.

Со взрослыми немного тяжелее. У женщины пятидесяти пяти лет, которая находилась ближе к очагу взрыва, обширные ожоги рук и лица. Подозрение на черепно-мозговую травму, полученную при падении. У второй, что помоложе, тоже ожоги, но незначительные. Ей больше психологическая помощь требуется. Но все равно обеих доставляем во вторую городскую.

Когда возвращаемся на базу, в крови гуляет адреналин, а настроение приподнятое. Понятное дело, хоть и трагедия, но главное, что отработали без жертв. Такие смены на скорой – в радость, день сразу светлее кажется.

Вот только нам его портят, стоит преступить порог здания.

– Петрову убили, а Хлебникова в реанимации, – растирая слезы по красному опухшему лицу, произносит Сурикова и совсем не картинно громко высмаркивается в салфетку.

– Как так-то? – уточняет Сашка, припадая к дверному косяку.

Я же чувствую, что ноги подкашиваются, потому нащупываю опору в виде стола, и присаживаюсь на первый подвернувшийся стул.

– Неясно ничего, – качает головой диспетчер, доставая новую салфетку, – их Палыч нашел. Они долго не выходили, вот он и поднялся наверх, в квартиру, посмотреть. А там все в крови. Женьку, твою тещу, – смотрит Сурикова на меня сквозь пелену слез, – всю порезали. Живого места не оставили. Дашка чудом уцелела, два ножевых, она в туалет успела забежать и закрыться.

Об этом мало говорят, но работа на скорой порой бывает опасна.

И не только потому, что наши водители часто рискуют, когда, включая спецсигналы, несутся как умалишенные на красный свет, часто уповая лишь на чудо и то, что остальные участники движения вовремя сумеют сориентироваться и уступить дорогу. Но и потому, что, получая вызов, не знаешь, на какого пациента в итоге нарвешься.

Девчонки рассказывали, что пару раз приходилось отбиваться от подвыпивших мужиков, которые набрасывались на них ни с того ни с сего и пытались изнасиловать. Макарычу не повезло войти в квартиру к неадекватному, и тот метнул в него нож. Фельдшера спасла хорошая реакция: вовремя закрыл дверь, иначе лишился бы глаза или жизни.

А сколько раз было, что прямо с порога на медиков набрасывались собаки, агрессивные хищники, желающие разодрать незваного гостя. И спасал, как нестранно, увесистый желтый чемоданчик, которым и отбивались.

А те пациенты, что в пьяном угаре становились буйными и норовили то придушить, то зарядить кулаком в глаз или по почкам?

Всего не перечесать, но ужасов хватает.

И вот теперь убийство.

Кошмар.

А ведь на этот вызов изначально отправляли нас. И вполне реально, что вместо Петровой в морге сейчас могла лежать я, а Сашка вместо Хлебниковой боролся бы за жизнь на операционном столе.

Новый вызов выдергивает из тяжелых мыслей, заставляет мобилизоваться. Ребенок-грудничок с температурой под сорок и намечающимися судорогами. Молодая мамочка в истерике и бледный, смахивающий на призрака, отец и муж.

В работу ухожу с головой.

Детки для меня – святое, чудо из чудес, сокровище, которого меня когда-то жестоко, не спрашивая, лишили, но любви к ним отнять не смогли. Делаю инъекцию жаропонижающего одному, капаю микстуру другой, попутно оформляю госпитализацию и даю инструкцию мужчине, что брать с собой, а что привезти для семьи позже.

Молодец, слушает, кивает. Становится больше похожим на человека. Сашка в это время связывается с диспетчером и уточняет больницу, куда примут наших пациентов.

Не успеваем вернуться на станцию, еще вызов. Но там ерунда. Бабушке не спится, но жалуется, как положено, на сердце, высокое давление и мизерные пенсии. Не наша пациентка, сюда бы и фельдшера хватило, но, кажется, сегодня какое-то пиковое обострение. Все бригады в аврале.

Домой вновь плетусь, еле переставляя ноги. Даже усмехаюсь повторению прошлого раза. Потому что Андрей вновь докидывает до перекрестка между Жукова и Цветочной.

– Может, до дома? – предлагает мужчина.

Мотаю головой.

– Нет, пройдуся. Хочу подышать.

– Без проблем. Тогда увидимся, – не настаивает.

Взмах рукой, кивок и транспорт отчаливает в обратную сторону.

Радует, что сегодня получилось вырваться до полуночи. Всего-то десятый час вечера. Даже стемнело не до конца.

Лифт работает. Гудит и подтренькивает, но задачу выполняет: поднимает до седьмого этажа без проблем. Выхожу и сразу отыскиваю глазами дверь Сомова. Этот жест словно вбит на подкорке. И я вначале делаю, потом только осознаю.

Почему-то кажется, что вот-вот шелкнет личина, и из соседской квартиры выпорхнет очередная красotka на убойных шпильках, сияя улыбкой. А следом вынырнет широкая перевитая венами мужская ладонь и хлопнет девицу по упругому задy. Придаст той ускорения и вызовет искусственный смех.

– Бред, – шепчу под нос, встряхивая волосами.

Нет, в том, что Олег – мужчина яркий, харизматичный и жутко привлекательный, я не сомневаюсь. Он шикарен. В том, что ему не нужно прилагать усилий, чтобы найти себе девочку на ночь или несколько, тем более. Те сами липнут к таким, как он, пачками, только выбирай. И Сомов выбирает. Каждый раз новую, по крайней мере, дважды мне одни и те же не попадались.

Бредом я считаю собственное поведение. Будто мне есть до этого дело, что совершенно алогично.

В этот раз дверь Сомова оказывается закрытой.

Наверное, еще рано, не управились. Хмыкаю на очередную идиотскую мысль, посетившую уставшую голову, и иду к себе.

Впереди выходные. Красота.

Отосплюсь. Может, куда-нибудь выберусь. Надо использовать последние теплые денечки, пока есть возможность. Как зарядят дожди, совсем безвылазно засяду в четырех стенах.

Шум за спиной и какой-то тихий стон заставляют остановиться и замереть.

Прислушиваюсь.

Может, показалось? Или ребенок у кого-то капризничает?

Нет. Звук, будто кто-то хнычет, опять повторяется. Чуть громче и протяжнее.

Оборачиваюсь, пытаюсь определить направление, и лишь тогда замечаю, что дверь в квартиру Эли приоткрыта. И, без сомнения, все, что я слышу, раздается оттуда.

Не знаю, чем руководствуюсь, но, как загипнотизированная, иду не к себе, а к соседке. Толкаю металлическую дверь, которая совершенно беззвучно распахивается шире, легко ступаю на кафельную плитку белоснежного пола, прохожу по длинному широкому коридору вглубь.

Кажется, работает телевизор, ведь я слышу какие-то мужские голоса. Новый громкий протяжный стон раздается одновременно с тем, как я достигаю проема гостиной.

Заглядываю в комнату и замираю, забывая, как правильно дышать.

От картины, предстающей перед глазами, теряю дар речи. Mamочка дорогая, это же чистое порно. И пусть я давно стала совершеннолетней, картинки 18+ видела ни раз и даже замужем успела побывать, но тут...

– Аа-аах, – выдыхает Эля, блаженно закатывая глаза, а в следующую секунду прикусывает жемчужными зубками нижнюю губу и красиво изгибает шею.

Практически обнаженное тело, если не считать пояса, чулок и странной комбинации из каких-то лямочек-тесемочек, переплетенных на груди, чтобы ее поддерживать и делать пышнее, покрыто блестящей пленкой испарины.

Девушка стоит, опираясь одним коленом на диван, держась за спинку и выгнувшись. Из приоткрытого рта один за другим вырываются громкие стоны, перемежающиеся частыми поверхностными вздохами.

Понятно почему. Сзади к ней пристроился высокий плотного телосложения мужчина и, придерживая партнёршу за округлые бедра, делает резкие, быстрые выпады.

– Эля, ты слишком шумная. Это нехорошо, – произносит второй.

Широкоплечий гигант сидит на диване в распахнутой рубашке и, с ленивой усмешкой наблюдая за пикантным действием, медленно расстёгивает ремень на штанах.

– Давай-ка, детка, займись лучше делом, – отдает он команду, отодвигая ткань, и, не стесняясь, пробегает ладонью вверх-вниз по детородному органу. – Хочу твой рот. Живо.

Чего не ожидаю, так это шустрой активности соседки.

Она не протестует, когда имеющий ее сзади мужчина чуть отстраняется и, придерживая за талию, помогает сменить позу на коленно-локтевую. Не успевает шатенка склониться над гордо вздыбленным членом сидящего великана и коснуться губами головки, как тот, что стоит сзади, резко вбивается в нее на всю длину, заставляя выгнуться.

– М-мм, – басовито рыкает сидящий на диване и наматывает каштановую гриву волос на огромный кулак.

Не позволяя Эле отклониться или проявить инициативу, он давит ей на затылок, насаживая на себя до упора.

– О-ooo, – вопит и закашливается девушка, но мужчин это не останавливает.

Они синхронно, увеличивают темп, одновременно имея соседку сразу в двух местах.

– Да, детка, ты же любишь тройничок. Так давай пошалим по-взрослому, – довольно хмыкает гигант, и что-то в его голосе меня цепляет.

Вглядываюсь в лицо и отшатываюсь. Как я сразу не узнала человека, которого видела всего лишь пару дней назад?

Наверное, потому что не ожидала.

Ничего не ожидала из представшего перед глазами. Даже мозг на время отключился от шока, но сейчас вновь заработал четко. И то, что приходит в голову...

Мамочки...

Если тут Илья, друг Олега, сейчас развлекается с Элей, то и сам Сомов может быть где-то поблизости.

Мысль ошпаривает, как кипяток, и я практически на ощупь начинаю отступать.

Нет-нет-нет. Только не это. Только не он.

Боже мой, на кой леший я сюда поперлась? Спасительница чертова. Надо было не слушать и идти к себе. А сейчас... дай бог, чтобы пронесло, и никто не заметил.

Молюсь, прикусив губу и пячусь к выходу. Мне до ужаса страшно повернуться спиной к троице, оставшейся в гостиной. И пусть у них там начался самый пик, судя по громким возгласам всех троих, но все равно страшно.

Страшно. Неприятно. Гадко. И отталкивающе.

– Понравилось зрелище? – раздается тихий рокот на ухо.

Сердце уходит в пятки. Но до того, как успеваю дернуться, обернуться и завопить от ужаса, меня перехватывают поперек тела и вздергивают вверх. Одна сильная рука фиксирует предплечья, вторая затыкает рот.

Глава 5

– Олег? – выдыхаю, когда ладонь, закрывающая мне рот, отстраняется.

Не с целью отпустить насовсем, а лишь чтобы распахнуть дверь соседской квартиры, куда меня и заносят, не позволяя выбраться из жесткого захвата.

– А ты ожидала кого-то другого, Женя? – рычит сосед в ухо, обжигая горячим дыханием нежную кожу на шее. – Может, Илюху хотела? Или Пашку? Или двоих сразу, как твоя подружка? Позвать парней сюда?

– Нет. Нет. Нет! – мотаю головой, задыхаясь не только от жутких вопросов, но и ситуации в целом.

Какое позвать? Зачем? И Эля мне не подружка, я думала, у нее что-то случилось.

Мыслей так много, хочется все объяснить, опровергнуть, но бешенство Сомова ощущаю каждой клеточкой дрожащего тела. Он кипит от гнева, направленного почему-то на меня. А я никак не могу понять причины.

– А что так? Тебе же хотелось тройничок, – не спрашивает, утверждает мужчина, швыряя меня на огромную кровать. – На день рождения подарок попросила – VIP-ку в элитный клубешник достать. Хотела, чтобы оттрахали по полной? Одного мужика мало? Только от двух течешь? Или ждала, что по кругу пустят?

– Нет! Нет же! – шепчу, отползая к изголовью кровати.

Подальше от неадекватного.

– А мы это сейчас проверим, – заявляет он уверенно.

Олег обхватывает мои лодыжки и дергает так, что я заваливаюсь на спину и мигом проезжаю по постели, издавая сдавленный всхлип. Впечатление, будто он готов мне ноги выдернуть, настолько не сдерживает силу и злость.

– Олег, пожалуйста, прошу тебя, – бормочу, уже не контролируя зарождающуюся истерику, – не надо, Олег!

На секунду кажется, я смогу его остановить. Слетевший с катушек сосед услышит своё имя и снова станет человеком. Но нет. От моего голоса он только звереет.

Грубо расталкивает бёдра в разные стороны, наваливается сверху, вдавливая в постель, и раздирает мои штаны, игнорируя наличие ширинки и змейки.

Треск плотной ткани оглушает и взрывает сознание.

Я готова быть от отчаяния, потому что в почерневших глазах светится не обычное, присущее Сомову хладнокровие, а какой-то жуткий приговор, вынесенный неизвестно почему.

Что я сделала?

– Олег, – повторяю его имя как заклинание. – Олег, не надо.

Но он не слышит. Просовывает руку между нашими телами, накрывает чувствительную плоть пальцами и грубо толкается внутрь, вызывая болезненную судорогу.

Я задыхаюсь. Упираюсь пятками в матрас и выгибаюсь, насколько позволяет вдавившее меня в кровать тело, только бы соскочить, вырваться из ловушки. Нервно дергаюсь от неприятных ощущений и обжигаюсь, наталкиваясь на почерневший взгляд.

– Сухая, – выдыхает Сомов.

Голос полон недоумения, будто я его в чем-то успела опять обмануть.

– А к-какая д-должна быть? – всхлипываю, когда жестокие пальцы оставляют меня в покое.

Тело потряхивает, глаза застилает пелена слез. И пусть сосед, кажется, очнулся, я все равно его боюсь.

– Нахера тебе высралось просить у Масловой приглашение в клуб для извращенцев, Женя? – рычит Олег, не следя за словами и игнорируя мой вопрос.

Его кулак летит в матрас, приземляясь в десятке сантиметров от моего лица. Сжимаюсь и не дышу, будто удар предназначенся мне.

– Идиотка!

Нависает надо мной, и я чувствую, как его самого тоже потряхивает.

– Я н-не знаю, кто такая Маслова, – тороплюсь оправдаться. Я не хочу, чтобы меня опять били. Я так надеялась, что этот кошмар остался в прошлом. – А если ты про Элю, т-то я не понимаю ее поступка. Мы только здоровались с ней, н-не больше. Я н-ничего не просила. Клянусь, – умоляюще заглядываю в глаза, прося мне верить.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

– А идти в «Мираж» собиралась? – испепеляет прищуренным взглядом.

Словно через детектор лжи пропускает, пытаюсь подловить на подтасовке фактов.

– Нет, – на выдохе, – нет! – громче. И следом. – Олег, пожалуйста, отпусти меня.

– Не могу, – выдыхает сквозь зубы.

Прикрывает глаза ресницами, упирается своим лбом в мой и делает поступательное движение, скользя своим телом по моему.

– Не могу... – повторяет сквозь зубы, – не могу и не хочу, – выдыхает в губы признание.

А до меня начинает доходить, что это такое горячее и внушительное упирается в нижнюю часть живота.

Олег приоткрывает глаза, и я вновь улавливаю в нем метаморфозы. В синих омутах полыхает то ли безумие, что выглядит похлеще чем у всех вместе взятых маньяков из кино, то ли негибкая упертость в принятом решении, от которого он уже не отступится.

Ненормальный... настоящий псих. Без тормозов.

Проносится у меня в голове, когда его губы яростно набрасываются на мою шею. Сначала мне чудится, точно Сомов хочет вонзить в нее зубы, разорвать в бешеном порыве. Но нет, боли нет, лишь требовательный рот настойчиво проходится по судорожно сжатым челюстям, подбородку, шее, ключицам. Помечает сантиметр за сантиметром, клеймит каждую клеточку.

Поцелуи дикие, жадные, ненасытные. Будто укусы. Сомов терзает мою кожу, пробует на вкус, втягивает ее, оставляя свои метки. И руками все тело оглаживает, движется нагло и самоуверенно, одержимо исследует каждый участок.

Ураган. Шторм. Цунами.

Нет. Все это слишком слабо и бледно.

Невозможно сравнить.

Сжимаюсь, понимая, что совсем скоро бешеная стихия завладеет моим телом, сокрушит и разломит на части, поглотит целиком, а я ничего не смогу сделать.

Ничего.

С ним не справиться. Не уговорить. Не переключить.

С губ уже готова сорваться униженная мольба. Но я останавливаю себя. Глупо просить снова. Он принял решение. Сказал, что не отпустит. Ему наплевать. Этот псих не тормознёт.

Обмякаю и пробую приготовиться к неизбежности. Разжимаю пальцы, прежде судорожно сжимающие мужскую футболку, и безвольно опускаю руки на постель. Гашу судорожные вздохи, стараясь победить озноб в теле. Только слезы, чертят кривые дорожки по вискам, не желая заканчиваться, и мышцы живота болезненно сокращаются, потому что в памяти еще свежо болезненное вторжение его грубых пальцев.

Олег тоже замирает. Нависает огромной скалой. Пристально смотрит в мои глаза и не мигает. Прошивает тяжелым взглядом насквозь. Вспарывает по живому.

Чего он ждёт? Почему медлит?

Давай. Бери своё. Насилуй.

Ну давай же. Хватит тянуть.

Всхлипываю и сотрясаюсь всем телом, напарываясь на жесткий чернеющий взгляд. Зрачки настолько большие, что практически перекрывают радужку.

– Ссука, – выдыхает он, сквозь зубы.

Склоняется, прихватывает зубами кожу на скуле и тут же проходится по своей метке языком. Снова сдавливает. И снова ласкает. Покрывает мое лицо этими животными поцелуями. Точно хочет сожрать.

А потом отстраняется и в глаза смотрит. Дико. Жадно. Пугающе. Неудержимо.

Проверяет? Но что?

Хочу спрятаться, опустить ресницы, но он словно улавливает этот порыв.

– На меня смотри, – командует жестко.

И в противовес грубому приказу нежно касается щеки, рта. Обводит большим пальцем верхнюю губу. Нижнюю. Надавливает на нее, оттягивает вниз. И тут же набрасывается с поцелуем, от которого я захлебываюсь.

Его язык врывается внутрь, жадно атакует, задевая десна и нёбо, атакует мой язык, проходится так яростно и неистово, что трепет отдаётся в каждом позвонке. Я издаю безумный стон и прогибаюсь. Сама не осознаю, что вытворяю под этим бешеным напором.

– Довела ты меня, Женя, пи..дец! Выбесила так, что руки чешутся, как придушить хочется, или выдрать, – рычит Олег прямо в губы, обхватывая затылок и не позволяя отвести взгляд. – Гребаная идиотка, ты хоть вообще осознаешь, во что чуть не вляпалась? Я же тебя почти мужикам отдал, когда про желание гульнуть услышал. Они не стали бы разбираться. Отымили во все щели.

Ответить не дает.

Опять закрывает мне рот своим, как кляпом запечатывает. Впивается в губы, захватывает язык. Полностью подавляет. Заставляет дышать только собой, ощущать только себя.

Утягивает в варварский поцелуй и вместе с этим вытворяет невообразимые вещи с моим телом. Забирается под блузку, ловко сдвигает бюстгальтер в сторону и накрывает грудь ладонями. Шершавые пальцы скользят так нежно, сжимают и рисуют узоры так трепетно, что мурашки расползаются по всему телу. Кожа вмиг становится гусиной и обретает пугающую чувствительность.

Его прикосновения оставляют ожоги. На коже и глубоко внутри.

Сомов сам, как чистый огонь, сжигает меня дотла, обращает в пепел.

Дикий, наглый, несокрушимый. Он отнимает всякую надежду на спасение.

Олег двигает бёдрами, трется внушительным достоинством о мой живот настолько бесстыдно и разнузданно, что тягучие судороги прошивают тело, как высоковольтные разряды.

Хочу оттолкнуть, прийти в себя. Не позволяет. Перехватывает запястья над головой, вдавливая в кровать и обрушивается новой серией алчных поцелуев.

В опытных руках мой страх неожиданно растворяется. Я больше не чувствую мужского гнева, не слышу странных злых фраз. Ощущаю лишь нежность прикосновений и жажду во взгляде. Растекаюсь под ним. Сама не замечаю, как поддаюсь натиску ядовитой страсти.

Сомов ловко избавляет меня от одежды. Огненные губы клеймят шею, грудь, живот. От того, как остро чувствуются его зубы и рот, когда он втягивает в рот сосок, простреливает насквозь и подбрасывает. Ахаю и прогибаюсь. Безумно чувственно, по самому краю бездны без страховки. Когда бросает то в дикий жар, то опалает холодом.

– Олег, не надо, – упираюсь ладошкой в гранитное плечо и безрезультатно стараюсь отстранить от себя эту дикую мощь.

Наивная.

Нашла с кем тягаться. Кого усмирять.

Он же как чистая стихия. Неукротимый.

Он нависает надо мной. И я понимаю, что сошла с ума, когда синее пламя в глазах Сомова вспыхивает ярче.

– Поздно, – хрипит его надсадный голос, – хочу тебя, пи..дец.

И снова ураганом налетает. Зацеловывает. Срывает последние клочки белья с меня, с себя. И каждым касанием будто кровь сворачивает, делая тело покорным и податливым.

Он ненамного старше меня, но уж точно опытнее.

Не сомневаюсь, что многое умеет, о чем я даже не имею представления. А еще он до одури хочет меня. По глазам вижу, по жестам читаю, по мимике, по жажде в каждом движении.

Его буквально выворачивает от желания. Остро. Мощно. Безумно опасного. Губительного.

В голове что-то перещелкивает.

Я смотрю на перекошенное жадой лицо Сомова и понимаю, что такое со мной впервые. Меня никто и никогда не хотел так сильно. На разрыв. До умопомрачения. Уж точно не бывший муж, который был первым и последним моим любовником, который лишь брал и заботился только о своем удовольствии. И ничего не давал взамен.

А сейчас все по-другому. Как бы не был изначально взбешен, Сомов не набросился и не растерзал. Добился отклика пусть не разума, но тела. Заразил своим безумием. Впрыснул под кожу свой вирус, передал свою жажду, свою тягу. Будто сплел нас вместе.

– Олег, – выдыхаю, вглядываясь в темно-синие глаза.

Не знаю, что хочу сказать.

Но Сомову не принципиально, он принимает свое имя за знак, и толкается вперед. Входит единственным рывком. Растягивает мощным порывистым движением.

Выгибаюсь в пояснице и вскрикиваю. Боль опалает живот и бедра. Ощущение такое, будто я потеряла девственность повторно.

Но этого не может быть. Просто у кого-то размер XXXL.

– Тихо, не дергайся, сейчас привыкнешь, – шепчет Олег и целует меня. – Дыши. Вот так. Умница.

Прижимается губами к одной щеке, потом к другой. И только тогда понимаю, что плачу. Солёные ручьи опалают горячую кожу щек.

Мне кажется, его член такой огромный, что его можно почувствовать, положив руку на живот. Твёрдый, пульсирующий, горячий, он пронзает меня насквозь и добирается почти до сердца.

– Только не двигайся, – прошу, сжимая пальцами широкие плечи и впиваясь в них ногтями.

Крупное, сильное тело Сомова нависает сверху. Закрывает практически полностью со всех сторон. Владеет мною снаружи и изнутри. Я будто пропитываюсь им, его флюидами, его терпким чисто мужским запахом. И понимаю, что не чувствую ни капли отвращения.

– Не буду, – обещает и прижимается губами к моим губам, медленно проводит языком, а потом прикусывает, – пока ты не привыкнешь.

– Я не привыкну, – жалеюсь, всхлипнув, и ловлю довольную ухмылку.

– Глупости, – говорит уверенно.

Но я замечаю, как непривычно звучит его голос, более хрипло и низко. А еще тело дрожит от напряжения, и по виску стекает капелька пота.

Сомов чуть приподнимается, касается ладонью моего живота, скользит пальцами ниже. До самой чувствительной точки. Надавливая на нее и поглаживает.

Тело током прошивает. Ловлю открытым ртом воздух и поражённо смотрю в практически черные омуты...

– Все хорошо, не зажимайся, – произносит, стиснув зубы, и вновь поглаживает чувствительный бугорок, вызывая прилив горячей волны.

Киваю, веду ладошкой по жаркой, как кипятки, коже плеча, царапаю ее ноготками, и в ту же секунду он начинает двигаться.

Медленно.

Размеренно.

Осторожно.

Давая привыкнуть к ритму.

Бёдра сами дергаются вверх, отвечая на толчки. Но Олег, будто этого мало, распластывает свою огромную пятерню на пояснице, сдвигает ее ниже, обхватывает мои ягодицы и прижимается плотнее. Глубже насаживает меня на свой гигантский член.

Жадно глотаю ртом воздух и крепче цепляюсь за плечи, боясь потеряться.

А он овладевает мною. Заполняет всю. До предела. Сталкивает в темную бездну. Увлекает далеко за грань. Двигается резче. Жёстче. Немного притормаживает. Чуть сдвигается. И вновь входит до упора. Неумолимо. Остро. До легкой боли. Замедляется, дарит паузу. Позволяет перевести дыхание. Тянется к губам, обжигает скулу, слегка прикусывает ухо.

– Женька, – рычит мое имя, в котором нет не одного «р», и вновь наращивает бешенный темп. – Кончай.

– Не могу, – хнычу и дергаюсь, стараясь увернуться, соскочить с орудия пытки. – Олег, хватит, я не могу больше. Горит все внутри. Хватит, прошу тебя... Не надо.

Меня трясет и колбасит, кажется будто кожу снимают и все внутренности выворачивают. И слезы ручьем бегут.

– Кончишь, и станет легче, – произносит уверенно, гася мою панику, отчего мышцы рефлекторно сокращают, обтягивая огромный член.

Нет. Не станет. Это бред. О чем он вообще? Я никогда не кон...

Жадные губы обрушиваются на мой рот, не давая додумать мысль. Толчки становятся более глубокими, с отяжкой, а мужская рука безошибочно находит мое самое чувствительное место и начинает ритмично его растирать.

В голове плывет. Пульсация усиливается. Распирание нарастает.

Я не понимаю, откуда он настолько хорошо знает мое тело, как умудряется касаться так порочно. Внутри зарождается буря, закручивается тугими кольцами. Мышцы сокращаются вокруг органа. Ноги подрагивают. Пальцы сильнее впиваются в мощные плечи, царапают рельефные мускулы.

Охаю в голос и взрываюсь. Разлетаюсь на осколки.

Перестаю видеть. Слышать. Ощущать.

Теряюсь и растворяюсь в нигде.

Сокрушительная стихия раскатывает меня подчистую. Размазывает между упругим матрасом и горячим мускулистым телом. Разламывает на фрагменты. Перетирает в пыль.

Я захожусь в иступлении. Растворяюсь. Прекращаю существовать. И оживаю вновь, чтобы увидеть, как Олег с рычанием подается назад, позволяя соскользнуть с пульсирующего органа, обхватывает член в кулак, делает пару резких движений и с рыком кончает на мой живот.

Прозрачно-белесые горячие капли спермы обжигают кожу и окончательно помечают завоёванную территорию.

Глава 6

– Отмирай, Женя, – раздается над головой лениво-спокойный голос Сомова, не скрывающий снисходительных ноток. – Бояться уже поздно.

Только сейчас понимаю насколько зажалась. От смятения и чувства обреченности, что как прежде уже не будет, из жара окунает в холод, и я будто со стороны наблюдаю, как сотрясается в ознобе собственное тело.

Мужчина же, совершенно не стесняясь своей наготы, неторопливо покидает кровать, на пару секунд теряется из виду, а затем мне на живот приземляется какая-то тряпка. Вздрагиваю, а приглядевшись, узнаю футболку Олега, в которой он был... совсем недавно был... да и тягучий, терпкий аромат, что она излучает, не позволяет обмануться в имени владельца.

– Вытрись, а то смотришь на сперму так, будто это змея ядовитая, – хмыкает мужчина.

Чувство стыда опалает щеки. От контраста между мерзнущим телом и пульсирующим жаром на лице все начинает плясать перед глазами, будто повсюду одновременно вспыхивает обилие разноцветных огней. Ощущения настолько дезориентируют и пугают, что я с трудом заставляю себя пошевелиться.

Непослушной рукой дотягиваюсь до ткани и скованными неверными движениями очищаю кожу.

Внешне.

Внутренне же, кажется, что это пятно так и остается на месте, как несводимое клеймо, как личная метка Сомова, кричащая что он тут был.

– М-можно я пойду? – спрашиваю негромко, еле разлепляя словно чужие губы.

Не знаю, с чего вдруг решаю, что действовать самостоятельно – встать, одеться и уйти – чревато опасными последствиями. Не могу определиться, откуда идет это понимание. Но интуиция вопит, как сирена, что один неверный шаг, и недавние события легко найдут продолжение. И не факт, что они не понравятся мне еще сильнее.

Сомов и раньше меня настораживал серьезностью и шлейфом опасности, что окружает его, как вторая кожа. Но сегодня...

Мне страшно анализировать произошедшее, оно настолько нереально, что кажется горячечным бредом переутомившегося мозга.

Кажется... пока я не закрываю глаза и не вижу перед собой жесткую линию губ, раздувающиеся крылья носа, пронзительный темно-синий взгляд, стремящийся проникнуть внутрь в то время, пока он хладнокровно, нагло и уверенно раз за разом вбивается в мое тело.

Сглатываю и стараюсь запихнуть яркие видения подальше. Но куда там... Фантомно я его до сих пор внутри ощущаю, будто он и сейчас продолжает терзать тело, и от этого внутренние мышцы напрягаются и простреливают спазмом.

Накрывает ощущением, что мой мир вновь раскалывается на части, а я не успеваю ориентироваться. Замираю в нигде, чувствуя себя бесправной песчинкой.

Нет. Так нельзя. Сначала надо добраться до своей квартиры, а уж потом. Потом оцепенение растает, как дымка поутру, и меня накроет.

– Пожалуйста, – добавляю, прислушиваясь к неясному шороху и звону стекла сзади.

Даже спиной ощущаю, что он за мной наблюдает. Скользит ленивым взглядом по телу, касается кожи, пересчитывает позвонки, оглаживает плечи, зарывается в волосы и впивается в затылок.

Минута тишины кажется часом, в который я забываю, как дышать. Вроде бы свободна, могу двигаться и... не могу. Сомов уже доказал, что наши силы не то что неравны, даже рядом не стояли. И он легко сломает меня одной левой, если на то будет его интерес. Или принудит, навяжет свое желание.

Поэтому спрашиваю. Аккуратно. Молясь, чтобы он согласился. Чтобы отпустил.

– Можно, – раздается спокойный, густой баритон, от которого кожа покрывается мурашками.

Не успеваю с облегчением выдохнуть, как следует продолжение. – Сходи в душ. Вторая дверь по коридору.

Новая волна страха прокатывается вдоль позвоночника, обжигая льдистым холодом. Передергиваю плечами, стараясь скинуть напряжение, и не выходит. Меня ведет, будто силы почти на исходе.

– Я хочу к себе, – осмеливаюсь воспротивиться и отшатываюсь, когда Сомов внезапно появляется не просто в поле видимости, а рядом, буквально в шаге.

Он передвигается совершенно неслышно и потому, прежде чем опустить взгляд, отмечаю, что он так и не оделся. Но смущает меня не его подтянутое мускулистое тело, а та огромная часть, что до сих пор продолжает гордо вздыматься. Будто не он всего пару минут назад получил разрядку. Будто произошедшего ему было мало. Будто он вновь готов идти в бой.

– Не выйдет, Женя, – произносит все также спокойно.

И не так одновременно.

Становится ясно – спорить бесполезно. А в меня бес вселяется. И я пробую расширить границы дозволенного.

– Но ты же уже получил всё, что хотел.

Слегка повышаю голос, не успевая спрятать истеричные нотки. Нервное напряжение прорывается помимо воли. Дыхание учащается, а в груди растет колючий ком. Пока не растеряла остатки смелости, вскидываю голову и упираюсь в прямой немигающий взгляд.

– Ты так в этом уверена? – узкие губы растягиваются в улыбке, нет, скорее ухмылке, от которой хочется отшатнуться. – Зря. Это была лишь разминка. Когда я получу всё и закончу, ты об этом узнаешь первой.

Смотрю в непроницаемый синий лед и понимаю, что не шутит. Действительно всё решил. Для себя. И за меня. И прежде чем успеваю что-то ответить, он протягивает мне широкий толстостенный стакан, на треть наполненный темно-коричневой жидкостью.

– Держи.

Догадаться, что внутри алкоголь, не составляет труда. Медленно качаю головой, отказываясь принимать щедрое подношение, и вздрагиваю, когда горячая ладонь обхватывает мое запястье. Сомов уверенно вкладывает фужер в ледяные пальцы и накрывает их сверху своими, помогая удержать и не расплескать.

Не сопротивляюсь, лишь вопросительно хмурюсь, гипнотизируя место нашего соприкосновения.

– Пей, – следует новый отрывистый приказ.

Не реагирую. Алкоголь для меня в таком состоянии – это перебор. И так после суточной смены еле на ногах стою, а после пережитого стресса хочется забиться куда-нибудь в уголок, свернуться клубочком и исчезнуть минимум на двенадцать часов. А все вопросы и проблемы решать лишь отоспавшись.

Олег будто предвидит реакцию, лишь коротко хмыкает и настойчиво подталкивает мою руку, направляя фужер к губам. Отказаться не выходит. Делаю небольшой глоток и тут же задыхаюсь. Горло опалает огнем. На глазах выступают слезы, закашливаюсь и сгибаюсь пополам, прикрывая рот.

Ничего удивительного. Никогда не умела пить крепкие напитки.

– Не... – сиплю, но договорить не выходит.

– Еще. Давай. И не спорь. Тебе надо, – следуют друг за другом отрывистые предложения.

И стекло вновь касается губ. В покое меня оставляют, лишь когда вся огненная жидкость оказывается внутри. По телу мгновенно разливается тепло, мандраж отступает, щеки опалает румянцем, а в голове слегка шумит.

На голодный желудок да после пережитого шока почти сразу пьянею, улавливая в себе первые признаки заторможенности.

– Не надо было, – шепчу, заглядывая в равнодушные холодные глаза.

И на секунду мне кажется, что в них проскальзывает теплая искорка.

Напилась, отмахиваюсь от наивного видения и прикусываю губу.

– Иди в душ, Женя, – произносит Сомов, отходя к комоду, чтобы поставить пустой стакан. – Потом можешь лечь спать.

Щедрый какой.

Молча провожаю его уставшим взглядом и подтаскиваю к себе поближе покрывало. Ползать вокруг кровати, чтобы собирать разбросанные и порванные вещи – выше моих сил. Ходить голый – неприемлемо.

– Я. Пойду. К себе. Домой, – произношу отдельно каждое слово.

Не то чтобы его выбесить хочу. Скорее, чтобы не проглотить половину букв. Первый показатель того, что я пьяна – нарушение чистоты речи. Вот такой вот яркий аргумент. Язык перестает слушаться.

Неграциозно сползаю с постели и морщусь. Боль между ног дает о себе знать тянущими неприятными ощущениями. А душ – да – сейчас жизненно необходим.

– А я думал, ты устала, – нехорошо усмехается Олег, приближаясь. И на целую секунду я пропускаю мысль, что мы сможем договориться... пока его новая фраза не сгоняет с меня все краски. – Что ж, это даже хорошо, значит, сможем продолжить.

– Что ты собрался делать? – взвизгиваю испуганно, когда он легко, как пушинку, вскидывает меня на плечо и для надежности кладет свою лапицу на зад, обхватывая бедро. – Отпусти немедленно.

– В ванной отпущу, – следует веселый ответ.

Я же охаю, потому что висеть вниз головой – жуткое удовольствие: страшно неудобно и просто страшно.

– Это тебе не понадобится, – заявляет Сомов, без усилий вырывая из слабых рук покрывало и не глядя откидывая его в сторону, а спустя минуту сгружает меня на кафельный пол просторного санузла.

Мельком оглядываюсь, но плывущим зрением цепляю лишь белоснежное джакузи и две раковины, утопленные в каменную столешницу, высокий пенал и комод со стопкой синих полотенец, а затем Олег делает еще один шаг ко мне, и я обо всем забываю.

Есть только он. Большой, сильный, пугающий. Сжимаюсь, стараясь прикрыть стратегически важные места и пячусь, пока не упрусь спиной во что-то жесткое и холодное.

Замираю, затаив дыхание, и не отшатываюсь лишь потому, что и так зажата со всех сторон. Мой же пленитель неторопливо протягивает руку, но не касается, а лишь распахивает стеклянную дверцу, в которую я вжимаюсь, и жестом показывает забираться внутрь.

– Заходи, – давит, не повышая голоса, а мне в обморок хочется упасть, только вот организм сопротивляется и продолжает бодрствовать.

Перешагиваю порог, потому что выбора нет, и теряюсь. Чувствую спиной глубокое дыхание. Сомов и тут не оставляет меня одну. Он заходит следом.

– М-можно, я сама помоюсь, – выдавливаю, боясь обернуться.

– Зачем же, я помогу, – произносит обманчиво мягко, отчего волоски на руках становятся дыбом, а потом командует. – Руками в стену упрись и не шевелись.

Мысленно всячески сопротивляюсь, но в реальности делаю, как велено, и грустно прикрываю глаза. Все, что со мной происходит в последний час напоминает какой-то жуткий сюр. И я не знаю, сколько еще продержусь, чтобы не завывать белугой.

Боже, когда я узнала новость, что мой муж попал в аварию и погиб, я напилась. Открыла его бар, к которому мне запрещалось ранее прикасаться, достала бутылку какой-то коллекционной дряни и напилась. Вусмерть.

С радости. Я отмечала свою свободу. Свободу от монстра, свободу от клетки, свободу от побоев и тотального всевластия Власова. И неважно, что потом мой дикий смех перерос в жуткий вой. Это выходил весь стресс, весь негатив и весь ужас, который копился все годы нашей совместной жизни.

Именно тогда, двадцать седьмого сентября, я отмечала свой новый день рождения, в который поклялась себе больше никогда не выходить замуж и не позволять ни одному человеку мной командовать и меня унижать.

И вот еще год не прошел, а я... я уже нарушила свою клятву.

Руки дают слабину и подгибаются, я упираюсь лбом в стеклянную перегородку и жмурю глаза до боли. Хочется быть сильной, но у меня опять ничего не выходит.

Я сдаюсь. И одновременно со всхлипом, который идет из самого нутра, на меня обрушивается тропический ливень. Упругие теплые струи заставляют сначала вздрогнуть, но постепенно расслабляют, согревая замерзшее изнутри и снаружи тело. А потом спины касается что-то мягкое и начинает плавно двигаться вдоль позвоночника, по плечам и предплечьям, по шее и груди, попе и бедрам.

Пенные потоки скользят по телу, а носа касается яркий цитрусово-ментоловый запах. Он кружит голову и почему-то успокаивает. Так пахнет Олег. Я помню.

Сомов аккуратно водит мыльной губкой по телу, уделяя внимание каждому участку. И теперь в его действиях я не чувствую жадных касаний, скорее расслабляющие, а потому дезориентирующие.

– Перестань зажиматься, я все равно тебя вымою, везде, – сквозь шум воды раздается его будоражающий голос, и губка скользит уже по внутренней стороне бедра.

Стараюсь не реагировать, но это почти невозможно. Не убитая до конца моим покойным мужем природная скромность требует сдвинуть ноги, чтобы запретить такие фривольные прикосновения чужих рук. Но я заставляю себя стоять смирно и не шевелиться. Угроза о продолжении еще свежа в памяти.

– Поворачивайся, – хриплый баритон бьет током по оголенным нервам.

Секунду медлю, а потом делаю, что велят, и моментально проваливаюсь в темно-синий пронизывающий взгляд. Он давит, сканирует, считывает все до одной эмоции, пусть я и стараюсь мысленно закрыться. Но, кажется, этому мужчине подвластно все. Он будто видит меня насквозь, сам же так и остается по большей части загадкой.

Кроме его отменной физической формы, финансового достатка, судя по машине и вещам, а также любвеобильности, если вспомнить сменяющих друг друга красоток, что регулярно покидают ночами его квартиру, я знаю о нем очень и очень мало. По сути только имя, которым он представился в день нашего оригинального знакомства в подъезде, когда мне пришлось его чинить. А еще, что на его левом боку есть пулевое ранение, полученное, судя по шраму, лет пять-семь назад.

Даже фамилию я выяснила случайно. Почтальонша перепутала почтовые ящики и сунула письмо, предназначенное ему, ко мне. На этом – всё. Ни кем работает, ни где служит, чем живет и дышит – ничего не знаю.

Мы всего лишь соседи, которые почти год продолжаем здороваться и по неясной причине обмениваемся непонятными долгими взглядами. До сегодняшнего дня мне казалось, что он слишком ко мне внимателен, даже чересчур, поэтому сама реагировала, хоть и бранила себя за лишнюю мнительность и глупость.

Но после сегодняшнего его поступка...

– Спать пойдешь или поможешь мне помыться? – ухмыляется Олег, беря в капкан крепких рук, которые ставит на уровне плеч с двух сторон.

Моментально прихожу в себя и краснею, потому что успеваю отметить его полную боевую готовность. Вот же сексуально озабоченный...

– Я... – заикаюсь на первом же слове и замолкаю.

Он предлагает выбор, но оба пункта одинаково мне не нравятся, и я мечтаю о третьем: убраться отсюда подальше. Уверена, даже если соглашусь идти спать, а сама рвану к входной двери, чтобы бежать к себе домой, у меня ничего не выйдет. Он среагирует быстрее, да и не факт, что дверь окажется открыта. Скорее всего она давно и надежно заперта на личину, а ключи где-то спрятаны.

Но есть и вариант пострашнее – в коридоре могут находиться его друзья.

Или уже в самой квартире?

Боже, они же не могут прийти сюда?

Или могут?

Нет.

Я не хочу!

Нет. Нет. Нет!

– Эй, Женя, ты чего там себе опять надумала? Побелела, краше в гроб кладут.

Сомов хмурится, а меня колотит, и в груди больно.

И страшно.

Боже, как же мне страшно.

– Й-а-а помою. П-помою, – киваю головой, как китайский болванчик, и подрагивающими пальцами тянусь к мочалке.

Из двух зол надо выбирать меньшее, насилия я не переживу. Тем более группового.

Непослушными руками перехватываю бутыл с гелем и, не жалея, выливаю на губку, взбивая пену до тех пор, пока она не течет между пальцами густой шапкой.

– П-поворачивайся, – «командую», сглатывая сухим горлом, и с удивлением отмечаю, что Олег слушается.

Встает, упиравшись кулаками в стену, также, как и я прежде, и расставляет ноги на ширине плеч. Но даже так он все равно пугает, потому что его послушность обманчива, как и расслабленность. Мы оба знаем, что он – главный, и вся сила в его руках.

Прикусываю губу и медленно скольжу по рельефной спине Сомова. Она такая идеальная, тугая, упругая, с шикарно проработанными мышцами, сокращающимися под моими пальцами. Сама не замечаю, как, подчиняясь монотонным успокаивающим действиям, помимо воли залипаю от эстетической красоты.

Господи, это все алкоголь, нахожу себе оправдание, потому что идея коснуться смуглой кожи не только мочалкой, но и ладонью, становится невыносимой.

Колдовство какое-то...

Смаргиваю бредовые мысли и резко опускаюсь на корточки, чтобы намылить ноги. Крепкие, мускулистые, покрытые ниже колен темной порослью. Но глаза так и замирают на узкой по сравнению с широкими плечами заднице, которую безуспешно стараюсь игнорировать.

А потом он оборачивается...

Глава 7

ОЛЕГ

– Как она? – спрашивает Барс, кивая в сторону спальни.

Мы втроем, я, Илюха и Степан Миронов, тихонько расположились на кухне в моей квартире минут через двадцать после того, как Женя уснула.

Лишь только удостоверившись, что поверхностный беспокойный сон девушки перешел в стадию глубокого, заставил себя от нее оторваться и кинуть смс мужикам, что жду. Но даже теперь, разговаривая с подчиненными, чувствую себя как на иголках. Сажу и, будто сторожевой пес, прислушиваюсь к любому шороху из ее комнаты, чтобы, не дай бог, она не проснулась и не испугалась еще сильнее.

Одиннадцать месяцев, мать его, ходил возле нее кругами, изучал, как живет и чем дышит, потому что досье – всего лишь голые бездушные факты на листе бумаги, облизывался, говорил себе, что «нельзя иметь отношения с объектом», а сегодня не выдержал. Планку сорвало окончательно. Точнее, ее сорвало еще пару дней назад, когда идиотка-Маслова приглашением в «Мираж» перед моим носом повертела.

Тупая овца повелась на слова незнакомца, точнее на пару-тройку красных бумажек с водяными знаками, которые ей вручили с просьбой разыграть соседку и сделать так, чтобы та обязательно согласилась пойти в клуб. Ну, Элечка, меркантильная ссучка, естественно не отказалась от заработка, вцепилась в Женьку. И подставила передо мной по полной. Не специально, конечно. Хотела и нашим, и вашим угодить: и Ветрову уломать, и передо мной с Барсом хвостом вильнуть. Давно же, шавала, облизывается, как видит, да в гости по любому поводу зазывает, то сиськами, то голой жопой сверкая.

Это не Женька, которая каждой тени боится и от мужиков шарахается. Вон как от Илюхи отпрыгнула и в дверь вжалась, испуганно распахнув свои огромные невозможно серые глазища. Еле сдержался, чтобы не схватить ее за худющую талию и за спину не задвинуть. А другу по роже не съездить, чтобы аккуратнее себя вел.

Знакомиться он, мать его, надумал. Кобель хренов.

Хотя Барс и сам смекнул, что к чему, когда ее эмоции считал. А следом поплыл, среагировав на девочку и ее искренние переживания, неподдельный страх и беззащитность. Да и как тут остаться непричастным, когда кругом только лживые, меркантильные и завистливые стервы бродят, от которых фальшью за километр прет, а рядом она – Ветрова – бесхитростная, открытая и нежная.

Ангел.

Чистый ангел среди дерьма.

И только мой.

Да, я так решил. Единолично. Как привык. И лучше не вставать у меня на пути. Не отдам. Ни Барсу, ни бывшему муженьку, ни кому-то другому. Любого голыми руками разорву, кто отнять попытается. Особенно теперь, когда я свою девочку попробовал, в руках подержал, открытой видел, обнаженной не только физически, но и эмоционально, и отклик ее словил. Против воли полученный, но ведь полученный же.

Одно бесит, я действительно на секунду допустил возможность того, что она хотела попасть в тот гребанный закрытый клуб и пуститься во все тяжкие. Сам себя убедил, что, устав от одиночества и годового траура, решила в отрыв уйти. А почему нет, подумал я, чужая же душа – потемки, вот и в красивой головке Ветровой вполне могло родиться шальное желание зажечь с парочкой кобелей разом.

Да ни хера!

Отметаю к черту все оправдания своего дерьмового поступка и кулаки до хруста сжимаю. Спецом я сам себя накрутил, потому что уже крышу стало клинить, как хотелось с ней сблизиться. Перестало меня устраивать то, что она - «объект», а я - «сторонний наблюдатель».

Сторонний наблюдатель?

Да хрен бы там.

Я – заинтересованный. Еще какой заинтересованный. И не наблюдатель, а участник.

И сегодняшнее представление спецом для Жени велел разыграть, а заодно и шлюшку Элю проучить, чтобы хоть иногда мозг дура включала. Но больше реакции Ветровой ждал, хотел найти хоть каплю фальши в ее поведении, слабое место. А в итоге свое обнаружил. Не вытянул я. Полетел в пропасть похоти, как только ее обнял и запах вдохнул. А дальше – как туман.

И все действия лишь на инстинктах – забрать, присвоить, пометить и не отпускать. Не так я планировал с ней начать отношения, но теперь поздно сожалеть. Переиграть не выйдет, а, значит, будем танцевать от тех карт, что судьба подкинула в руки.

Одно знаю наверняка, даже когда дело Ветровой будет закрыто, а это произойдет уже скоро, я ее не отпущу. Попала девочка. Конкретно попала. Но тут уж сама, как говорится, виновата. Я не привык отступать от своих решений и отпускать тех, кого считаю своим.

А она – моя.

Стопроцентно уверился сегодня, но почувствовал еще в первую встречу. Тогда стоило лишь в глаза ее взглянуть, сладкий клубничный аромат втянуть поглубже, ощутить на коже нежные, но уверенные касания аккуратных пальчиков, услышать робкий голосок, трепетно зовущий и требующий вернуться из туманного марева, как поплыл, среагировал словно мальчишка, загорелся, заискрил.

Так что хрень всё полная, когда говорят, что мужику для понимания – его баба или нет, время нужно. Оно нужно, чтобы ей лапшу на уши вешать и пользоваться в свое удовольствие. А чтобы определиться – пяти минут достаточно. И то лишку.

Мне хватило двух, чтобы очнуться после большой потери крови и нехилого удара по голове. А дальше мгновенно сработала химия, и все мои маячки на нее среагировали. Завопили бешеной сиреной и единогласно проскандировали – наша. Хватай и тащи в берлогу.

Я тогда реально очумел. Смотрел на нее и тупил по полной. А затем в один миг весь расклад сил переиграл.

Не я должен был жить с Женей по соседству в этой дыре. Квартиру Барсу снимали. Ему я давал задание быть тенью вдовы Власова, но вышло как вышло. Однозначно судьба-шутница вмешалась.

Я приехал, чтобы лично все проверить, дать ЦУ подчиненным и вернуться в Питер. Но... нарвался на утырков, что к Ветровой в квартиру решили по-тихому вломиться, пока ее нет. Помешал. Правда, не учел, что оба бандита будут ножичками владеть не на уровне баловства, а профессионально. Вот и пропустил один неприятный удар. По итогу, конечно, справился. Барс подоспел, когда уже следовало наводить порядок. А я, идиот, сознание начал терять, тогда-то и пересекся с Женей на лестничной клетке, а дальше, как по накатанной пошло.

Не смог от нее уехать. Назвался соседом и остался, красиво обосновав «верхам» эту странность крайней необходимостью. А так как мне дали полный карт-бланш на решение «портового» вопроса, то никто слова против не сказал.

Вот так начальник безопасности концерна «Порт-Северо-Запад» стал личной нянькой Евгении Ветровой. Добровольной нянькой, причем такой, что от безобидного вопроса Барса о Ней моментально крыть начинает.

– Женя спит, – озвучиваю, что и так понятно, не желая обсуждать МОЮ девочку. – А эта что?

Киваю влево, где находится квартира Масловой.

– В отрубе, умаялась кукла, – хмыкает Степа, холодно ухмыляясь. – Какие по поводу нее будут дальнейшие распоряжения? На деревню к дедушке? Подальше с глаз?

– Нет. Без изменений пока. Пусть остается, чтобы своим исчезновением ненужное внимание не привлекать, – ставлю задачу. – Но, если включит дуру и станет слишком мешать, угомоним.

– Ясно, – кивают парни почти синхронно и вновь замолкают, ожидая дальнейших инструкций.

– К шестому в «Мираже» должны быть наши люди. Каким способом, пусть Герман думает. Он у нас аналитик. Мне нужен результат.

– Принято, – сухо бросает Миронов.

– То есть, Женя пойдет на встречу? – а вот Барс несколько не скрывает недоумения в голосе.

– Пойдет, – промучив его пару секунд своим привычным тяжелым взглядом, от которого большинство меня тихо ненавидит, выдавливаю через силу.

И пусть интонация ровная и не отражает никаких эмоций, ломает и корежит меня на хорошо. Опасно это. Еще как опасно. Но и выхода другого нет. Женька – ключевой элемент в преступной цепи, хотя, судя по тому, что мы узнали о ней за год, ни хрена она это не осознает.

А вот твари знают, что бывшая пешка в шаге от того, чтобы стать королевой на шахматной доске, потому и начинают вылезать.

Да и срок подходит. Двадцать седьмого числа будет год, как все закрутилось.

И, по нашим подсчетам, двадцать седьмого сентября все закончится. Замороженные на специальном депозитном счете деньги, которые муж Ветровой и его партнер по бизнесу Сименко украли у моего концерна, вновь станут доступны. А значит, хитрожопые и жадные утырки полезут из всех щелей, чтобы ими завладеть.

Только обломатся. Деньги порта вернутся в порт, а уроды получают по полной программе за все свои махинации. И именно Женечка поможет мне поймать преступников, даже если будет сопротивляться, даже если вдруг не захочет пойти против собственного мужа. Потому что я так решил и других вариантов ей не оставляю.

=====

История про девушку в беде "Немая девочка" <https://litnet.com/shrt/9m2k>

Двоюродная сестра безжалостно меня подставила. Отправила в руки человека, доведенного до предела, а затем лишь посмеялась: "Подумаешь, девственности лишилась. Не такая уж большая потеря. Зато теперь, когда ты беременная, мы его на колени поставим ..."

Глава 8

Просыпаться и открывать глаза очень не хочется. И отчего-то страшно.

Хмурюсь, пытаюсь определить причины беспокойства, и тяну легкое пуховое одеяло до самого носа, чтобы закутаться в него с головой и вновь уплыть в безмятежное ничто, где все прекрасно. Однако, пробивающиеся в нос резкие ментоловые нотки, откуда-то уже знакомые и совсем не похожие на привычный цветочный аромат моего кондиционера для белья, заставляют напрячься. Да и сознание, что до этой минуты пребывало в полудреме, резко светлеет и подсовывает одно за другим ночные события, участницей которых я стала.

Вздрагиваю, хватаю ртом воздух, резко распахиваю глаза, пытаюсь подняться и упираюсь чуть расфокусированным взглядом в мощную фигуру. Смаргиваю пелену и вновь вжимаюсь в подушку. Сомов сидит на краю постели, в которой я непростительно расслабилась, и, не мигая, меня изучает.

– Доброе утро, Женя, – произносит ровно.

Так ровно, что, как не напрягаю слух, различить чего-то особого не могу.

Ни теплоты, ни холода.

Ни дружелюбия, ни враждебности.

Молчу. Не отвечаю, но фразу обдумываю и не соглашаюсь.

Ошибочная она. Солнце, заглядывающее в окно, слишком высоко стоит, значит, утро давно миновало, и уже скорее всего за полдень. Да и по поводу «доброе» – шутка, не иначе.

Но спорить вслух не берусь, хотя, судя по чуть плотнее сжавшимся губам и прищурившимся глазам, что сверлят меня подобно рентгену, ответа ждут.

Сглатываю, приоткрываю рот и... не говорю, просто безмолвно киваю.

Этого вполне хватает. Олег отступает. Точнее, встает и отходит.

– Поднимайся, пока можешь одеть мою футболку, – на колени приземляется серая свернутая ткань. – Как приведешь себя в порядок, жду на кухне.

Не реагирую, но во все глаза слежу за хозяином дома. Тот же спокойно отворачивается и направляется к выходу из комнаты.

– У тебя десять минут, – выдает напоследок. – Не задерживайся.

Сомов уходит, прикрыв за собой дверь, и только тогда я выдыхаю. Беззвучно. Потому что кажется, что он из любой части этой явно немаленькой квартиры меня прекрасно слышит.

Опускаю на секунду ресницы, чуть ерзаю, пытаюсь определить свое сегодняшнее самочувствие, и радуюсь, что почти ничего не болит. А то, что в интимном месте слегка тянет, так неудивительно. Длительный перерыв в сексе сказывается, да и приличный размер Сомова. У бывшего в этом плане все было значительно скромнее.

Так, хватит. Иначе опоздаю и нарвусь на... неизвестность.

Поспешно выкарабкиваюсь из постели, осматриваюсь и нахожу свою потрепанную одежду на кресле в довольно плачевном состоянии. Змейка на брюках выдрана, нижнее белье только в помойку, блузка...

М-да... Сомов так жаждал добраться до тела, что о вещах не думал.

Откладываю терзания на потом и натягиваю щедро выделенную мне футболку. Она широкая, доходит до середины бедра, и это радует. Не долго сомневаясь, надеваю брюки. Без трусов жутко неудобно, но не о комфорте сейчас мысли. А так я вполне прикрыта и не провоцирую зверя. А то, что внутри соседа он обитает, нет никакого сомнения.

Делаю глубокий вдох, выдох, распахиваю дверь и по памяти тороплюсь в ванную. По внутренним часам у меня есть еще четыре минуты или около того. Отсутствие защелки напря-

гает, потому утренние процедуры прохожу экстремально быстро и спешу в кухню, которую определяю по запаху.

– Кофе пьешь с молоком? – Олег оборачивается от плиты, как только переступаю порог. Он держит в руках деревянную лопатку, но при этом ни теряет ни грамма брутальности.

Такой необычный. Точнее, наоборот, слишком обычный, домашний, в широких спортивных штанах и черной борцовке, с перекинутым через плечо полотенцем.

– Д-да, – киваю, зависая на его разглядывании.

Сейчас он совсем не страшный, нисколько не напоминает вчерашнего слетевшего с катушек озабоченного монстра. Даже милый, совсем чуть-чуть.

Олег в это время изучает меня. Под пронизывающим взором синих глаз по спине пробегают мурашки, а грудь напрягается, обозначая соски. Да, как бы Сомов не выглядел, но яркое мужское начало в нем скрыть невозможно, и я на это реагирую против воли. Прикусываю губу, чувствуя себя жутко неуютно, переступаю с ноги на ногу и мысленно облегченно выдыхаю, когда неторопливый осмотр заканчивается.

– Хм, – следует непонятная оценка ярко-алого лака, покрывающего ногти на пальцах ног, а потом он указывает в сторону окна, где притаился двухметровый гигант. – Молоко в холодильнике. И сахар возьми. В подвесном ящике слева от мойки.

Под четким руководством достаю все, что нужно, а когда возвращаюсь к столу, передо мной на большой стеклянный стол опускается огромная тарелка с золотистыми кусочками бекона и глазуньей.

– Салат тоже накладывай, не стесняйся, – распоряжается Сомов, забирая из кофемашины две чашки ароматного напитка. – Приятного аппетита, Женя.

– С-спасибо, – благодарю, стараясь удержать вилку подрагивающими пальцами, и опускаю взгляд в тарелку, уверенная, что не смогу проглотить ни кусочка.

Слишком близкое нахождение Олега заставляет нервничать, но ошибаюсь. Голодный желудок, который вчера вечером незаслуженно остался пустым, протестующе урчит, и я сдаюсь, а потом так увлекаюсь, что доедаю практически подчистую.

– Готова к разговору? – уточняет мужчина, когда я делаю последний глоток любимого напитка.

– Да, спасибо за завтрак. Было вкусно – выдаю без запинки и хвалю себя за храбрость.

Всё-так кофе – волшебная вещь, которая не только бодрит, но и придает сил, чтобы выдержать предстоящие трудности.

К бабке не ходи, и так понятно, что беседа будет сложной, хотя тему, которая бы нас объединяла, я определить не могу. Теряюсь.

Сомов на благодарность лишь скупно кивает, а через секунду рядом с моей правой рукой на стол приземляется тонкая черная папка.

– Открой, – следует краткий приказ.

Сглатываю.

Предчувствия благим матом орут, что лежащее внутри мне не понравится, и лучше бежать отсюда, пока есть возможность ничего не знать.

Усмехаюсь про себя. Куда бежать? Разве от этого зверя получится?

Еще с минуту вглядываюсь в идеальную выделку кожи и, будто в прорубь ныряю, подцепляю указательным пальцем самый уголок. Раскрываю.

– Что это? – хмурюсь, разглядывая первое, что попадает в руки – нечеткое фото.

– Кто, – следует поправка.

– Это же... Это... – задыхаюсь, боясь произнести вслух имя той, кого еще в начале смены видела живой и улыбающейся, а потом про нее сказали...

– Евгения Петрова, – в отличие от меня Олег спокоен и неэмоционален. – Ее убили вчера. Шесть ножевых ранений. Последнее в сердце. Никаких шансов выжить.

– Зачем Вы мне это говорите и показываете? – сморгнув слезы, смотрю ему прямо в глаза.

– А ты не догадываешься?

Отрицательно качаю головой.

Мы не настолько дружили с моей тезкой, точнее, вообще не дружили, просто здоровались и перекидывались время от времени ничего не значащими общими фразами, если у обеих выпадала свободная минутка, но такое случалось от силы раз шесть за весь год.

– Жень, а тебя никогда не удивляла ее фамилия? – дает подсказку. – Вроде бы и самая распространенная, но...

Сомов делает паузу, громкую, будто подталкивает размышлять дальше самой, а не просто слушать. От этого становится неуютно, но действует.

– У нее было ударение на первый слог. ПЕТрова.

– Правильно... Евгения ПЕТрова. А ты – Евгения ВЕТрова, – смотрит не мигая, а потом шаршит вопросами. – Кто должен был ехать на вызов по тому адресу? Врач или фельдшер?

– В-врач, – заикаюсь и скукоживаюсь, обхватывая и растирая плечи. В квартире достаточно тепло, но меня пробивает ознобом. – Ножевое ранение. Снарядили мою бригаду, но потом параллельно пришел вызов из...

– Знаю, – обрывает так спокойно, что я не могу не верить – знает и в подробностях.

Но тогда получается, что...

– Хотите сказать, что могла пострадать я?

– Нет, Женя, – ухмыляется, но так недобро, что я сжимаюсь еще сильнее, – не могла, а должна была.

– Вы что же? Намекаете, что это было спланировано?

Молчит.

– Да ну нет, – мотаю головой, – глупости. Кому я нужна? И откуда Вы всё это узнали?..

Перевожу взгляд на снимок убитой, а потом опять на хозяина квартиры.

– Тому, кому ты очень сильно мешаешь, и кто хочет отомстить.

Прилетает непонятный ответ на первый вопрос, второй же полностью игнорируется.

И следом.

– Хватит мне выкать. Смешно, не находишь? Особенно после совместной ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.